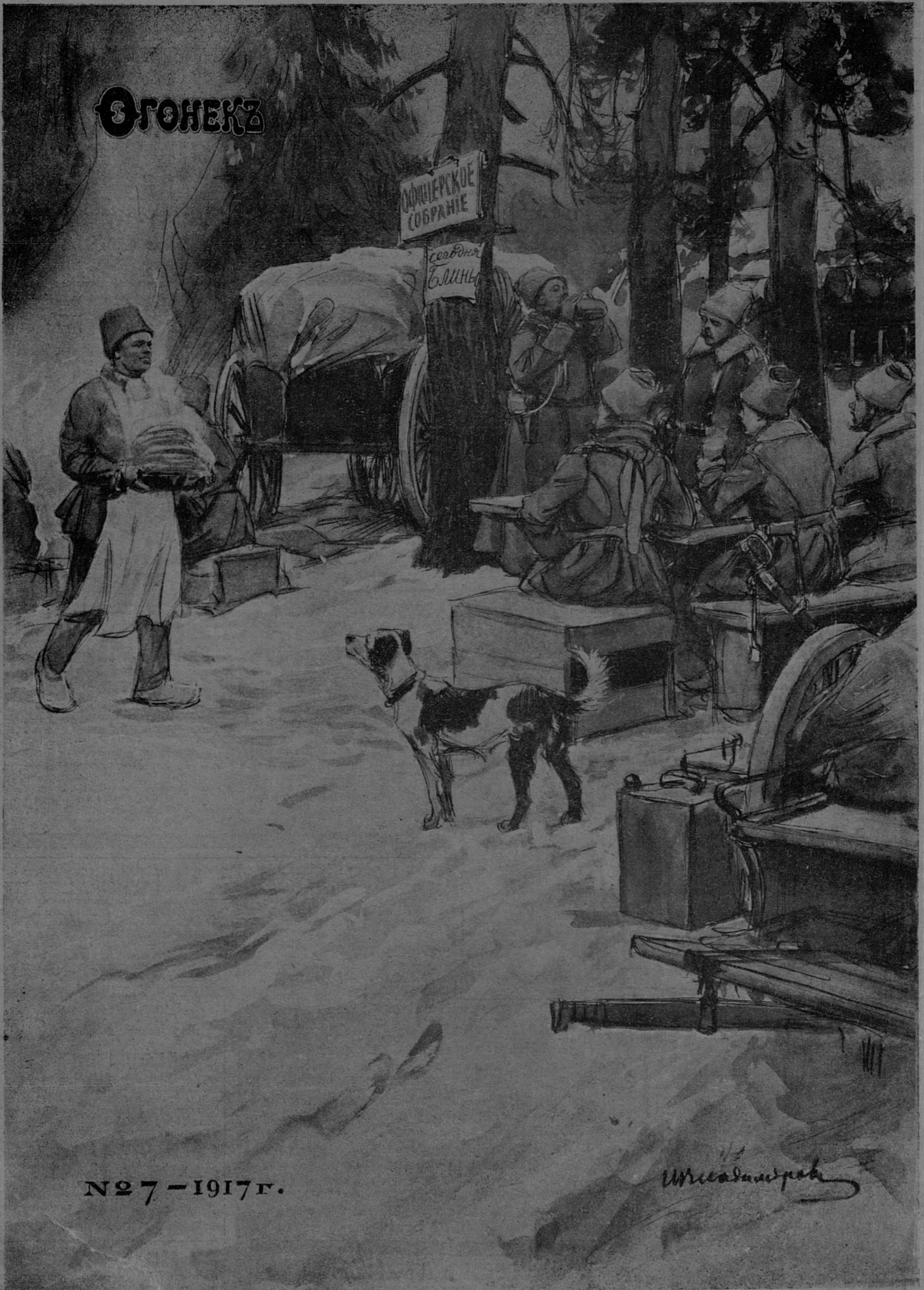

Огонекъ

№ 7 - 1917 г.

И. Владиміровъ

Маеленица на фронтѣ.

Рисунокъ для журнала «Огонекъ» изъ И. ВЛАДИМИРОВА.

ИГРАТЬ

НА ПИАНИНО И РОЯЛЪ

можно научиться играть в самый короткий срок без помощи учителя, только по первой очень легкой и понятной системе „Эврика“. В самоучитель входят галсы: „Осенний сонъ“, „Н дъ волнами“, романс „Не оставь меня“ и др. Вышли из печати альбомы 1, 2, 3 и 4-й по той же системѣ, съ наибольшими пьесами. Имѣется много одобренных отзывовъ. Свидѣтельство выдано въ Министерствѣ 1. и Пр. Цѣна самоучителя „Эврика“ 6 р. 50 к. перес. 40 к. Цѣна альбомовъ по 3 р. 50 к. и вслѣд. налож. плат. Адресъ: Автору-издателю **С. И. Ханбэкову, Москва, Петровский боръ, 2-й Знаменскій 7/29.**

ЖЕЛУДОЧНЫЙ НАБОРЪ ТРАВЪ

Способъ употребления набора травъ Л. Селеничева высылается бесплатно Л. СКАВА, Мясницкая, 50. Изобрѣтатель Мензелинцевъ.

НАИЛУЧШАЯ РУССКАЯ
НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ СТОЛОВАЯ ВОДА

КУВАКА

ИЗЪ РАДИОАКТИВНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ

ПЕТРОГРАДЪ ТЕЛЕФОНЫ

Для приема заказовъ 663-45, 272-80.
Правления 48-50.

ФИЛИПСЪ

ПОЛУВАТТЪ

ОСВѢЩАЕТЪ

ВСЕЪ МІРЬ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ на самый дешевый въ Россіи журналъ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“ по типу заграничныхъ изданій.

Въ 1917 г. подписчики **12 ТОЛСТЫХЪ КНИГЪ**,
получать въ которыхъ будутъ напечатаны произведения извѣстныхъ писателей
русскихъ и иностранныхъ

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ.

Сверхъ того журналъ содержитъ слѣдующіе отдѣлы:

Литература и искусство.

Новости литературы, театра, музыки и живописи.

НАУКА И ЖИЗНЬ.

Популярные очерки о выдающихся открытияхъ и изобрѣтеніяхъ, событіяхъ, прогрессу человечества.

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Наши дѣла. На войнѣ.

Обозрѣніе русской жизни.

Обзоры и корреспонденціи.

ПОЛЕЗНЫЯ ЗНАНІЯ.

Статьи и замѣтки практическаго характера примѣнительно къ необходимымъ потребностямъ повседневной жизни. Совѣты и указанія, какъ лучше вести хозяйство, какъ улучшить жизнь, сделать ее красивой и счастливой.

По бѣлу свѣту. Здоровый смѣхъ.

Путешествія и рассказы о чужихъ странахъ.

Юмористическіе рассказы, эпиграммы, стихотворенія.

Редакція журнала „Семейные вечера“ назначаетъ конкурсъ произведеній на конкурсъ подписчиковъ. За лучшія произведенія будутъ выданы **ТРИ ПРЕМИИ: 250 р., 150 р. и 100 р.** Подробныя условія конкурса будутъ объявлены въ самомъ журналѣ.

Подписная цѣна на „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“:

На цѣлый годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к. На меньшіе сроки подписка не принимается. Допускается подписка на цѣлый годъ съ уплатой подписной цѣны въ три срока безъ ея увеличенія, а именно: при подпискѣ уплачивается 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля 1 р. Деньги слѣдуетъ адресовать: Москва, въ контору журнала „Семейные Вечера“, Б. Дмитровка, домъ № 26/3.

„КУРСЪ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ“

Популярное руководство для краткосрочной подготовки къ экзамену на званіе начального учителя и учительницы. Изданіе состоитъ изъ двухъ частей, заключающихъ въ себѣ весь учебный матеріалъ, необходимый для сдачи экзамена. Подготовка безъ помощи учителя. Доступно для всѣхъ! Цѣна полнаго „Курса учительской семинаріи“—10 р., въ перел. 12 р. 50 к. Высыл. по получ. 1/2 задатка. Избѣгайте подражаній. Право изданія и прод. „Курса Учительской Семинаріи“ принадлеж. **исключительно**—издат. Т-ву г-дъ О. И. Дьяконова и Е. Л. Новичкая, Москва, Спиридоновка, 9—45.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастения и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе

и худосочиѣ съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬСЪ вѣд.
ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора СГО императорскаго величества.

СОЮЗЪ ПУТЬ КЪ СЧАСТЬЮ, СОЮЗЪ
могуществу, благосостоянію,
здоровью.

СВЕРХЧЕЛОВѢКЪ,

Человѣкъ новой грядущей расы не знаетъ неудачъ. Онъ подчиняетъ себѣ всѣхъ, читаетъ мысли, предвидитъ будущее, понимаетъ языкъ животныхъ, излечиваетъ болѣзни, дѣлаетъ тысячи чудесныхъ вещей. Какъ этого достигъ учитъ брошюра: Сар-Диноилъ, „Наши Секреты Способности“, выс. за 35 коп. мар. Адресъ: для корресп., Петроградъ, Шувалово, Ново-Орловская 11. Пр. Леониду Фельнерзаму (лит. о.).

НА ГИТАРѢ

въ пѣсн. дѣлѣ, безъ знанія нотъ, по новой сист. каждый науч. зорѣю играть ари, романсы, танцы и пьесы. Полный звуч. курсъ съ прил. безпл. альбомомъ пьесъ найож. плат. за 3 р. Москва, редакт. „Соноль“, Печатниковъ пер. 18/3

РЕДАКЦИЯ «ОГОНЬКА»:

Петроградъ, Адмиралтей-
ский кан., № 17, соб. д.
Рукописи, присланныя безъ
обоснованія условій, опла-
чиваются по опредѣленію
редакціи. Возвращеніе ру-
кописей не обязательно.
Главная контора: Петро-
градъ, Галерная, 40, соб. д.
Отдѣленіе конторы: при
Невской Конторѣ «Бирже-
выхъ Вѣдомостей», Нев-
скій пр., 50 (уг. Садовой).
Москва: Тверская ул., 37.

Еженедѣльный художественно-литературный
ЖУРНАЛЪ
ОГОНЬКЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ перес. въ Россіи
На годъ 5 р. — н.
На полгода . . . 2 р. 60 н.
На 3 мѣсяца . . . 1 р. 35 н.
На 1 мѣсяць . . . — р. 50 н.
Переимна адреса 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

за мѣсто, занимаемое стро-
кою нонпарейля на 2-й
страницѣ обложки—3 руб.
на 3-й и 4-й страницѣ об-
ложки—2 р. 50 коп.

№ 7

Воскресенье, 12 (25) февраля 1917 г.

№ 7

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія
источника воспрещается. (Законъ 20 марта 1911 г.)

НА МАСЛЯНОЙ НЕДѢЛѢ.

Морозной свѣжестью пахнуло
Въ распакнутую дверь,—
И радость уличнаго гула
Душѣ минувшее вернула
И заглушила боль потерь.

Веселымъ смѣломъ, легкимъ зво-
номъ

Душа оживлена.

И подъ зеленымъ небосклономъ
Легко скользятъ по снѣжнымъ
склонамъ.

Поля просторны. Даль ясна.

Видны на быстритъ поворотахъ
Уюты деревень.

И бабы пестря въ воротахъ
Мелькаютъ въ праздничныхъ за-
ботахъ,

Свѣжи, какъ зимній ясный день.

Въ послѣдній разъ мальчишку ль-
пятъ

Снѣгурку, и звенитъ
Неугомонный дѣтскій лепетъ,
И солнечный играетъ трепетъ
На близьнѣ ея ланитъ.

Поютъ бубенчики. И въ звонъ—

Забвенье прошлыхъ мукъ

Какъ облако на небосклонѣ,
Несутся яростные кони,
Разметанные въ полукругъ!

Коньята мечутъ комъ за комомъ,
Глаза ослѣплены.

Но вотъ и роца съ древнимъ
домомъ,

Гдѣ ждуть меня въ кругу знако-
момъ.

Вино и жаркіе блины!

Яковъ Годинъ.

ИЗЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

По фотографіи корреспондента «Огонька» съ театра войны.

Праздничныя представленія латышей подъ открытымъ небомъ въ 4 верстахъ отъ позиціи.

Петръ Петровичъ покачивался въ креслѣ-качалкѣ и ковырялъ зубочисткой во рту. Жена его, милонидея шотная дама съ пышными рыжеватыми волосами, очень серьезная, сосредоточенно сдвинувъ брови, мыла въ полоскательницѣ чайную посуду. Котъ Мурза въ усталой позѣ лежалъ у ногъ Петра Петровича. Онъ не могъ уснуть... На кухнѣ катали бѣлье, и ожесточенный, внезапно разбѣгавшійся, внезапно затихавшій стукъ ему не давалъ уснуть, а Петра Петровича злить... Онъ ковырялъ во рту зубочисткой быстрой, быстрой, шотомъ швырнулъ ее на полъ и спросилъ:

— Что же—это удовольствие кончится когда-нибудь?

Марья Павловна поставила на блюдце вытертую чашку и кратко отвѣтила:

— Когда-нибудь... навѣрное кончится...

Петръ Петровичъ вскочилъ съ качалки, качалка шестово раскачалась, промко стукнулась о подоконникъ, котъ Мурза подпрыгнулъ, отбѣжалъ въ другой уголъ комнаты и грустно улегся подлѣ портьеры.

Петръ Петровичъ шумно сѣлъ за столъ и сказалъ:

— Маша... намъ надо поговорить...

— Что же... поговоримъ... — отвѣтила жена, споласкивая подъ крапомъ чайную ложечку.

— Да ты это брось, ради Бога... эти твои...—онъ брезгливо поморщился:

— Мѣшательство...—и добавилъ громче:

— Намъ надо серьезно поговорить.

Она отложила въ сторону полосатое сѣрое полотенце, придвинула къ столу свой богатый бюстъ и подняла на мужа близорукіе, прищуренные немного сшіе глаза.

— Мы должны разойтись,—мрачно промолвилъ Петръ Петровичъ и набралъ въ ротъ много воздуха, готовясь продолжать.

— Расходись, — спокойно отвѣтила Марья Павловна,—я не разойдусь...

— Мы должны разойтись, Маша,—ужъ закричалъ Петръ Петровичъ,—это не шутка... Съ этимъ надо покончить разъ навсегда...

Онъ побавровѣлъ и часто задыхался.

— Петя, да ты не волнуйся... Выпей клюквеннаго морсу... и мнѣ дай... вотъ тамъ на буфетѣ... — успокаивающимъ голосомъ заговорила она...—Погоди... Ну я сама...

Она встала и двинулась было къ буфету, но онъ остановилъ ее педогующимъ взглядомъ:

— Да садись ты, ради Бога... Клюквенный

морсъ... Тутъ... тутъ трагедія... а ей... клюквенный морсъ!..

— Не пугай меня, Петя!.. Говори спокойно... Ну, разойдемся. Куда разойдемся?... Ты къ себѣ... я къ себѣ... въ разные стороны, да? — она откинулась къ спинкѣ стула и промко и безудержно расхохоталась.

Петръ Петровичъ всталъ изъ-за стола и медленно, отчеканивая каждый слогъ, сказалъ:

— Завтра утромъ я съѣзжаю съ этой квартиры, она на твоё имя, хотя я плачу столько же, сколько и ты... И завтра же начну дѣло о разводѣ... Надѣюсь, твои семнадцать любовниковъ постараются скрасить твою жизнь...

Марья Павловна перестала смѣяться.

— Опять ошибся въ счётъ... Ше семнадцать, а двадцать любовниковъ... Сядь, Петръ,—властно добавила она. Онъ сѣлъ.

— Разъ иначе нельзя, конечно, надо разойтись... Ты, значить, жепишься на Лизочку?... Что же... жепишься...—Она вынула изъ ридикюля, висѣвшаго на спинкѣ ея стула носовой платокъ и поднесла его къ глазамъ.—А я буду давать уроки музыки... Мои семнадцать... двадцать... любовниковъ... ко мнѣ не придутъ. Я буду давать уроки музыки... Я буду...

Она встряхнула головой, вытерла глаза, рѣшительнымъ жестомъ сунула опять платочекъ въ ридикюль, вздохнула и овладѣла собой.

— У тебя уже есть квартира?—спросила она съ легкой дрожью въ голосѣ.

— Я ещё объ этомъ не думалъ,—отвѣтилъ онъ, не глядя на нее.

— А прислуга?..

— Я ещё не искалъ.

— А дрова?..

— Когда и тѣтъ квартиры... Куда бы я запахалъ дрова... Въ мой письменный столъ?..

Она сочувственно вдохнула.

— Много у тебя будетъ хлопотъ, — тихо сказала она.

Петръ Петровичъ въ мрачномъ молчаніи перебиралъ крошки сухаря на скатерти.

— Ложись спать... Утро вечера мудренѣе,—сказала она тише и грустнѣй.

Онъ всталъ и, не глядя на нее, вышелъ изъ комнаты.

Марья Павловна съ широкой улыбкой смотрѣла ему вслѣдъ, потомъ заперла чай и сахаръ въ буфетъ на ключъ и, зѣвнувъ, проговорила тихо:

— Посмотримъ, какъ онъ броситъ меня... при твердыхъ цѣнахъ...

Петръ Петровичъ, кандидатъ естественныхъ наукъ, завѣдывающій художественной частью дѣтскаго журнала «Юда», спалъ

уже третій годъ на кожаномъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ. Это произошло такъ, какъ всегда происходить, безъ рѣзкихъ уклоновъ въ новизну... Случайно оброненная записка, и случайно проснувшееся любопытство, и случайная догадка... Онъ простилъ. Онъ любилъ. Онъ былъ любимъ... Онъ долго не соглашался. Но потомъ согласился... Одна маленькая, вотъ такая вотъ, какъ кончикъ мизинца, крохотная уступка плоти.—что это можетъ значить передъ лицомъ вѣчности?... Онъ призналъ въ концѣ-концовъ, что вѣчность—вещь солидная, но спалъ съ тѣхъ поръ въ кабинетѣ...

Побарабанивъ пальцами по столу, онъ прошелся раза два по комнатѣ, сѣлъ въ кресло и закрылъ глаза рукою... И тотчасъ всплылъ передъ нимъ милый, чистый образъ дѣвушки, перешедши въ редакцію Лизочки... Ея свѣтлые глаза, такъ очаровательно загоравшіеся и нѣжностью и лукавствомъ, и эти пальчики, такъ уморительно бѣгавшіе по клавишамъ «Ундервуда»... Сорокъ рублей жалованья получала, у бѣдной тетки жила, сдававшей комнаты студентамъ, и всегда веселая, ясная, въ безсмысленной голубенькой блузкѣ и сияла, какъ невѣста нарядная... И любить его, плѣшиваго, съ сѣдыми висками, съ желтыми отъ дешеваго табаку зубами... Царевна моя! Онъ вскочилъ и быстро заходилъ по комнатѣ... Маша... Маша... Маша утѣшится. Ученики, уроки, музыкальная школа. Сто тысячъ друзей... Довольно съ него всепрощающей любви, и вѣчности, и прочей лжи и чепухи... У каждаго прежде всего долгъ въ отношеніи самого себя... Это по Ницше... Все

равно... Онъ имѣетъ право на чистое счастье... Оно пришло поздно, милая, дѣсна, когда уже сѣдые виски... Все равно... Онъ ее... онъ его, онъ это счастье возьметъ...

Он сѣлъ опять за письменный столъ, придвинулъ къ себѣ блок-нотъ и карандашъ и сталъ дѣлать смѣту своего грядущаго счастья...

Жалованье триста рублей... Квартира, столъ и все прочее сейчасъ обходится ему въ двѣсти, сто у него остается на расходы, табакъ, развѣзды, кинематографъ, газету, недавно возилъ Лизочку завтракать въ „Бизнессану“ и

и исплатить съ лишнимъ десять рублей... Надо будетъ искать теперь квартиру... Гдѣ ее найдешь?... О жарптирѣ и думать нечего. Комнату... Одной мало... Однихъ иллюстрированныхъ журналовъ и старыхъ газетъ у него полныхъ два шкафа... И приять по дѣлу приходится у себя... Двѣ комнаты... значить... минимумъ сотня... Такъ... Столъ на двухъ человѣкъ... не можетъ же она свои трогательные сорокъ рублей... онъ умиленно улыбающа... Столъ, значить, на двухъ человѣкъ... минимумъ полтора ста рублей...

Онъ швырнулъ карандашъ съ шумомъ... Минимумъ... минимумъ... Что же это?... Минимумъ сытости... Минимумъ хлѣба, минимумъ ветчины, минимумъ пирожнаго...

Онъ схватился за голову... ..Но что же я ей скажу?... Что не могу жениться на ней изъ-за твердыхъ цѣнъ... Что не могу любить ее изъ-за твердыхъ цѣнъ... Что она знаетъ, ребенокъ, о твердыхъ цѣнахъ... Малодушный пошлякъ! Жалкій, малодушный пошлякъ,—бичевалъ онъ себя, яростно срывая галстухъ, воротникъ и раскидывая по протертому коврику и стульямъ покорные его гнѣву шпатель и брюки...

Онъ ушелъ изъ дому, когда еще Марья Павловна спала. Пришелъ поздно вечеромъ, когда она уже мыла чайную посуду въ посудомоещницѣ.

Цѣлый день онъ метался по объявленіямъ, по зеленымъ билетикамъ на парадныхъ и у воротъ... Квартирные хозяйки охотно готовы были сдать комнату солидному, покойному жильцу, и онъ именно такимъ солиднымъ покойнымъ жильцомъ казался имъ. Но безъ жены... Безъ женщины... Женщинъ и такъ теперь достаточно, слишкомъ достаточно... Онъ набрелъ, наконецъ, на двѣ комнаты въ Новой Деревнѣ, въ деревянномъ домикѣ, съ одной дымившей желѣзной печуркой, съ мебелью, крытой продырявленнымъ краснымъ атласомъ... Когда онъ описалъ это Лизочкѣ, она улыбнулась и отвѣтила: «съ милымъ рай въ шалашѣ...». Онъ просіялъ и побѣждалъ дальше,—побѣждалъ искать «семейный обѣдъ» недалеко отъ редакціи «Юлы», забѣгалъ въ десятокъ гастрономическихъ магазиновъ,

справлялся о цѣнахъ на ветчину, на колбасу, на сардинки, на мандарины, на геркулесъ и сливочное масло, —предполагалось на завтракъ варить юма на спиртовкѣ геркулесъ и есть со сливочнымъ масломъ... Цѣны на обѣдъ, на ветчину, на геркулесъ, на сливочное масло стояли всюду твердыя. Очень твердыя. И шо мѣрѣ того, какъ глубже и отчелливѣе входили въ его сознание эти два слова «твердыя цѣны», онъ чувствовалъ, какъ ослабѣвало его усердіе и еще что-то...

Когда онъ со смѣтой въ умѣ—на двоихъ въ обрѣзъ пять сотъ,—возвращался въ редакцію, его непритворно уязвила смѣхъ Лизочки, съ кѣмъ-то весело болтавшей по телефону... Она объяснила потому, что это одинъ изъ жильцовъ ея тетки, совсѣмъ не интересный тифякъ, съ угрями на подбородкѣ... И—фи, какъ ему не стыдно!.. Но у него остался осадокъ въ душѣ и ють этого, и отъ того, что она не переписала двухъ писемъ, которые надо было сегодня же отправить въ Саратовъ, и отъ того, что въ рукописи, подлежащей возвращенію, онъ нашелъ сунутой Лизочкой леденецъ, и дама въ большой шляпѣ съ лиловой вуалью, получавшая обратно—клеюкую, неприятную рукопись, смотрѣла на него съ такимъ наглымъ презрѣніемъ, что надо было бы взять ее за плечи и вытолкать изъ приемной, а онъ чувствовалъ себя виноватымъ и глухо моталъ головой, какъ китенецъ въ витринѣ чайнаго магазина...

...И почему Лизочка лишь теперь, на второй годъ войны стала такъ выразительно смотрѣть на него и вздрагивать, когда онъ входилъ въ редакционную... Вѣдь они знакомы были еще до войны... И о чемъ ей хотеть въ телефонную трубку, когда тамъ всего какой-то совершенно неинтересный тифякъ съ угрями на подбородкѣ. Странно!

Изволь разгадать душу 19-лѣтней молодой дѣвушки...

Онъ даже свистнулъ, когда входилъ въ подъездъ своего дома...

...Да-съ... темна вода во облацѣхъ!..

Марья Павловна встрѣтила его встревоженнымъ восклицаніемъ:

— Петя... на тебѣ лица нѣтъ!..

Она выронила чайную ложечку изъ рукъ.

— Дать обѣдаль-ли? Тебѣ оставлено... Въ духовой... Я сейчасъ... Какъ ты осупулся...—Она подошла къ нему, провела пальцами по его волосамъ:

— Постарѣлъ за день на десятокъ лѣтъ. Петенька, родимый!..

Онъ взялъ ея пухлую бѣлую руку и поднесъ къ губамъ

— Мнѣ такъ жаль тебя, Маша!.. Я... я измученъ, Маша...

У Марьи Павловны весело блеснули глаза. Она нагнулась и крѣпко поцѣловала его въ лобъ.

— У насъ сегодня разсолыникъ и утка съ яблоками... Мать одной ученицы изъ деревни мнѣ привезла...

Черезъ пять минутъ передъ нимъ вкусно дымилась миска. Марья Павловна въ своемъ широкомъ капотѣ изъ кустарной набойки любовно, привычно-хлопотливо подвигала ему хлѣбъ и солонку, наливала клюквенный морсъ, а онъ ѣлъ, содрѣвлялся, отдыхалъ и думалъ: «такой обѣдъ въ тихомъ семействѣ, или въ кухмистерской, или въ дешевой ресторанѣ—3—4 рубля. Твердыя цѣны...

Онъ покраснѣлъ со злости и, словно бросая кому-то вызовъ, илъ негодующій протестъ, протянулъ черезъ столъ руку жепѣ.

— Маша,—началъ онъ, и въ глазахъ его сверкнуло благородное раскаяніе...

Она не дала ему продолжать.

— Ышь, Пытушокъ, милый!.. Что тамъ ужъ... Ышь, милый... А вотъ что... въ лазаретѣ на Гороховой... одна моя ученица сказала—нужна переписчица... жалованья 65 рублей... У васъ—сорокъ.

— Если кому... я скажу, — отвѣтилъ Петръ Петровичъ и зашлелъ послѣднюю хрустящую корочку утки холоднымъ, приятно-кисленькимъ клюквеннымъ морсомъ. Поздно ночью котъ Мурза забрелъ въ кабинетъ и остановился въ шедеумѣннѣи. Но тотчасъ презрительно шевельнулъ ушками—отъ людей всего надо было ждать,—и, взобравшись на пушной диванъ, свернулся клубкомъ и уснулъ.

А. Даманская.

АНГЛИЙСКОЕ СЕМЕЙСТВО

Рассказ Л. Кузмина
Иллюст. при М. Рашковской

1.

Хотя Терентию Васильевичу Лапидину было около сорока лет, он все еще не мог привыкнуть к двум печальным обстоятельством: к тому, что его зовут Терентием (в детстве было еще хуже, так как из его имени делали уменьшительное Теня или Реня), и к тому, что он не владел английским языком. Конечно, второе несчастье было больше поправимо, но первое было так сильно, что Лапидин тщательно скрывал его и не признался бы в нем даже самому близкому другу.

Маргарита Петровна, жена его, прожив замужем уже десять лет, так и не знала, что главной причиной, заставившей Терентия Васильевича посвятить себя ей, было именно ее знание английского языка. Она, действительно, в совершенстве владела английским языком, так что, будучи вполне русской, имела определенно национальный нрав и привычки, легко бы могла сойти при первом знакомстве за англичанку, тем более, что судьба ее надарила высоким ростом, большим ртом и рыжими волосами. Но чем непонятнее и сильнее была страсть Терентия Васильевича к английскому языку, тем тщательнее он ее скрывал. Может быть, он не брал уроков и не просил Маргариту Петровну заняться с ним именно вследствие слишком большого желания. Но когда он случайно слышал на улице, в ресторане, трамвае английскую речь, лицо его делалось напряженным и тревожным, он растерянно улыбался, и в ту минуту было бы совершенно бесполезно обращаться к нему с вопросами. Однажды, перебывая в Швейцарском озере, он так плылся разговором двух американок, что сошел совсем не на той пристани, где ему следовало, и так шел за попутчиками, пока они не скрылись в подвезд. Маргарита Петровна, как ни мало была ревнива, обратила внимание на эту развязность мужа и даже стала шутя ему выговаривать за его чрезмерную воспламененность, не подозревая, что единственная страсть Терентия Васильевича была любовь к английскому языку. Он и тогда не признался, предполагая вынести незаслуженные упреки.

Наконец, он не вытерпел, тем более, что случай ему показался самым подходящим. Но и здесь раньше, чем решиться, он с недомолением в кармане вырванное объявление:

«Англичане (три человека) быстро научатся говорить, читать и писать по-английски только взрослых. Плата 12 руб-

лей в месяц с персозы». Затем следовал адрес.

Терентия Васильевича главным образом привлекало то обстоятельство, что с ним будут заниматься трое, но все-таки он не был уверен, что не обжалит от волнения при первом же шаге в английскую (английскую!) квартиру. К счастью, двери ему открыла русская прислуга, заставила его расписаться и приняла задалок. Терентий Васильевич быстро просмотрел написанные выше его имени фамилии, но в них не было ничего особенного. Передняя также ничем не отличалась от тысячи петроградских прихожих. Но Лапидину хотилось видеть все необыкновенным. Даже темноватая приемная с тяжелой мебелью и зеркалами вместо картин казалась ему какой-то чрезвычайной, словно он не соображал, что, вероятно, ближе английское семейство сняло свою квартиру уже меблированной, и если что и прибавлено своего к обстановке, то разве несколько фотографических карточек, стоявших на рояле. На них действительно были изображены двое военных в английской форме и молодая женщина, приветливо показывавшая ряд кривых зубов.

Терентий Васильевич ходил по ковру и думал:

— Вот они как живут-то настоящие англичане, сразу видно, что культурная нация. Ах, как хорошо, как все просто, рационально, удобно, ничего лишнего! — и задвигал ногами за разставленным низеньким креслом. Особенно ему нравился черный курительный столик, какие были в моды в 50—60 годах, где к доске были накрепко приделаны выложенные бронзой папиросница, пепельница, спичечница, и вставлены две зубчатые пластинки для заlichtания. Все это было не особенно удобно и уж совершенно некрасиво, но именно этот столик и казался Лапидину верхом английской рациональности.

Однако из внутренних комнат доносились голоса, но в постигнуто никто не входил. Да и говорили, казалось, комнаты за три глухо и неопредetermined. Все это было не так удобно и рационально, как должно было бы быть.

Сумерки сгущались, вышла та же служанка, что открывала дверь Лапидину, пустила свеч, опустила занавески и затопила камин.

— Что, господин дома нет? — решил спросить у нее Терентий Васильевич.

— Нет, они дома. Сейчас выйдут, как ученики подойдут. Григорий Михайлович еще обедает.

— Кто это Григорий Михайлович? — спросил гость, смущенный такой русификацией.

— Барин, г. Овень.
— Так его, наверное, зовут Гарри.
— Григорий Михайлович, — упрямо повторила двушка, растопила камин. Помолчав, Лапидин спросил храбро:
— А барыня дома?
— Нет, они еще не приехали; они обедают дома, потом сюда приезжают.
— Она не здесь живет?..
— Нет. Как можно? она живет с мужем.
— Она замужем?
— Да.
— Кто же ее муж?
— Не знаю.
— Как ее фамилия?
— Фамилия? — девушка подняла голову, освещенную снизу розовым огнем, и спокойно ответила:
— Я не знаю, Григория Михайловича фамилия — Овень, а про барыню я ничего не знаю.

Из передней послышался звонок. Пришли новые посетители. Терентий Васильевич их не разглядывал, его вдруг заинтересовала незнакомая английская дама, которая живет отдельно от остальных учителей и обеды с мужем. Конечно, он сейчас же догадался, что она и есть та особа, чье изображение стояло на рояле, и еще раз внимательно посмотрел на фотографию, взяв даже ее в руки. — Замечательно приятное лицо!..

Кажется, Терентий Васильевич произнес это вслух, потому что сейчас же почувствовал за своей спиной присутствие кого-то чужого и услышал легкое покашливание. Обернувшись, он увидел молодого человека приказничьего вида. Хотя во внешности этого господина не было ничего необыкновенного, а тем более, ужасающего, но Лапидин испугался как пой-

„Замечательно приятное лицо..“

..... — Тоня! Какой неожиданный случай! — и еще раз разсмѣялась..“

манный съ полчинымъ и, быстро поставивъ обратно на зрышку рояля смѣющуюся даму, покрасѣвъ и пробормоталъ:

— Когда уроки-то начинаются?..

Приказчикъ приготовился было что-то отвѣчать, какъ въ комнату быстрыми шагами вступилъ господинъ въ необыкновенно розовой длинной шеей, держа книгу съ фамилиями въ рукахъ раскрытой.

— Мистеръ Лэйландъ, мистеръ Лэйландъ! — повторить онъ, не здороваясь и обводя глазами присутствующихъ.

— Вотъ, начинается! — подумалъ радостно Терентій Васильевичъ и даже заулыбался, стараясь сдѣлать понимающее шипо. Приказчикъ тихо спросилъ:

— Ваша фамилія будетъ не Лэйландъ?

— Да, да. Такъ.

— Мистеръ Овенъ ищетъ васъ.

— Меня?

Терентій Васильевичъ подошелъ къ англичанину и, расшаркавшись, произнесъ:

— Я—Лэйландъ,— вотъ.

Тотъ необыкновенно обрадовался, захохоталъ и заговорилъ по-английски. Приказчикъ, взявшій на себя роль переводчика, услужливо донесъ:

— Удивляется, что вы — Лэйландъ. Очень радъ. Заниматься будутъ съ вами отдѣльно, съ пяти часовъ. Желаетъ вамъ здоровья.

— И я ему тоже желаю здоровья и свидѣтельствую свое почтеніе. Радъ, что ему понравится.

Приказчикъ что-то заговорилъ, но неизвестно, переводилъ-ли онъ слова Терентія Васильевича, или рассказывалъ анекдоты, но мистеръ все время смѣялся и потиралъ себѣ бока.

Лэйландъ шелъ домой совершенно очарованный и такъ былъ доволенъ, что даже почти не обратилъ вниманія на то, что Маргариты Петровны не было дома. Побѣдала, не дожидаясь мужа, и уѣхала куда-то.

2.

Прошло уже достаточно времени, такъ что Терентій Васильевичъ съ грѣхомъ пополамъ могъ уже при случаѣ изясняться на его любимомъ діалектѣ, даже написать

письмо попроще. Последняя эта возможность особенно ему была полезна и кстати, такъ какъ Лэйландъ кромѣ радости исполненной мечты, узналъ еще и другую, совершенно для него неожиданную. Онъ влюбился, причѣмъ самымъ романтическимъ, даже романтическимъ образомъ, не видя никогда въ глаза предмета своей любви. Какъ-то такъ вышло, что въ занятіяхъ Терентія Васильевича не принимала никакого участія та простая и веселая незнакомка, чей портретъ его такъ плѣнилъ. Изъ разсказовъ же другихъ учениковъ Лэйландъ убѣдился, что это именно она и есть. Онъ любилъ разспрашивать о ней и далъ бы что угодно, чтобы хотя разъ ее увидѣть, но англичанка была неуловима. Всѣмъ доступна, а для него невидима. Мистеръ Гарри всегда его искусно выпроваживалъ, а когда разъ Терентій Васильевичъ рѣшилъ поставить на своемъ и дожидаться мистриссъ во что бы то ни стало, ему объявили, что она сегодня вообще не пріѣдетъ.

Вотъ тутъ-то ему и пригодилась английская грамота. Онъ написалъ письмо, пусть съ ошибками, пусть не такое безумное, какъ ему хотѣлось бы (для этого его слюварь былъ слишкомъ бѣденъ), пусть тамъ всѣ существительныя стояли въ именительномъ падежѣ, и всѣ глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи,—но все-таки это было письмо, и всякая бы поняла, что это письмо любовное. И тѣмъ не менѣе онъ получилъ отвѣтъ на свое письмо. Скрываясь отъ жены, онъ долго читалъ его со словаремъ. Свиданія въ этомъ письмѣ не назначалось и вообще ничего опредѣленнаго не говорилось, а тонъ, сдержанный, но граціозный, слегка насмѣшливый, ускользнулъ отъ Терентія Васильевича. Да ему было и не до того, чтобы разбирать разные тона! Она ему написала письмо, да еще английское! есть отъ чего сойти съ ума.

Такимъ образомъ завязалась переписка. Иногда ему приходило въ голову, что, можетъ быть, все это—не болѣе какъ система обученія эпистолярному слогу, но онъ гналъ такое подозрѣніе. Во-первыхъ, для школьныхъ занятій ихъ письма носили все-таки слишкомъ предосудительный характеръ; во-вторыхъ, его письма не возвращались къ нему съ поправками, а на нихъ писалась отвѣты, такъ чпоесли Терентій Васильевичъ и сдѣлалъ успѣхи, то во всякомъ случаѣ болѣе въ своемъ чувствѣ, нежели въ английскомъ правописаніи. Но почему она все не показывалась и обходила молчаніемъ вопросъ о свиданіи, о которомъ настойчиво писалъ ей Лэйландъ? Можетъ быть, тутъ какая-нибудь тайна? Образъ веселой англичанки съ сверкающими зубами дѣлался для влюбленнаго все болѣе поэтическимъ и значительнымъ. Онъ даже былъ склоненъ думать, что всецѣлшее необъяснимое его стремленіе къ английской нации было ничто иное, какъ роковое, предопредѣленное предчувствіе этой встрѣчи.

Наконецъ, онъ получилъ письмо:

— Если хотите меня видѣть, завтра въ первомъ трамваѣ (четвертый номеръ), который пойдетъ послѣ семи часовъ вечера отъ той остановки, гдѣ вы садитесь, возвращаясь съ урока. Буду я въ переднемъ вагонѣ. Вы не можете меня узнать, но, конечно, почувствуете, гдѣ я, тѣмъ болѣе, что мы съ вами уже встрѣчались, и я васъ въ лицо знаю, такъ что замѣчу безъ труда. Вотъ ваше желаніе и будетъ исполнено. Итакъ, до завтра.—

Слѣдовала подпись.

Какъ видъ былъ радъ Терентій Васильевичъ исполненію своей мечты, онъ не могъ не замѣтить, что мистриссъ писала доволь-

но безтолково, да и сама мысль назначать свиданіе въ трамваѣ ему показалась неудобной, вздорной и мало поэтической. Такъ легко не найти другъ друга, съѣсть не въ тотъ вагонъ, не въ тотъ номеръ, наконецъ, просто не замѣтить изъ-за давки. Это нѣсколько подорвало даже его восхищеніе английскій искренностью, но, не желая обижать возлюбленной незнакомки, онъ считалъ это британской эксцентричностью, которая, конечно, отъ влюбленности еще обострилась.

Терентій Васильевичъ даже не пошелъ на урокъ въ этотъ день, а просто отправился на Васильевскій островъ, прогуливалъ взадъ и впередъ до семи часовъ и сталъ ждать перваго трамвая № 4. Въ числѣ ожидающихъ не было никого, кто подходилъ бы хоть опчасию на мистриссъ: какіе-то чиновники, двѣ старыя дамы и гимназистъ. Вѣрно, она уже внутри. Народу было не очень много, но все-таки нѣсколько человѣкъ стояло, держась за ремни. Терентій Васильевичъ зорко осматривалъ весь вагонъ и вздрогнулъ.

Очевидно, судьба захитѣла надъ нимъ подшутить. Въ углу, скромно держа раскрытую книгу, сидѣла Маргарита Петровна Лэйландина, жена его. Какъ она сюда попала, когда вошла, онъ не замѣтилъ. Сидѣла она такъ, какъ будто все время находилась на этомъ мѣстѣ, а между тѣмъ, помяните, когда онъ въ первый разъ обводилъ взоромъ пассажировъ, ея здѣсь не было.

— Какая досада!—думалъ Терентій Васильевичъ,—желая только одного, чтобы жена не отвѣчалась отъ книги, пока онъ

..... — Прости, Маргарита, если можешь. Но какъ тебѣ достались мои письма? Неужели мистриссъ донесла?..“

не выйдет из вагона, что он, собиравшись съѣзжать на первой же остановкѣ тѣмъ болѣе, что мистриссъ, очевидно, здѣсь не было.

— Не буду смотрѣть на Маргариту, а то она еще обидится!—думалъ Лапидинъ, а между тѣмъ взглядъ его непрестанно возвращался на жену.

Опущенныя вѣки съ рыжими рѣсницами вздрагивали, и углы рта ея поднимались въ улыбокѣ. Наконецъ, она полутромя разсмѣялась.

— Г-жу Тэффи изволите читать?— обратился къ ней сосѣдь, все время умилливо за ней слѣдившій.

Лапидина подняла глаза на спутника; по движению губъ видно было, что она собирается сказать что-то не очень пріятное, какъ вдругъ она на весь вагонъ вскричала:

Маргарита Петровна только взглянула молча на мужа. Тотъ разсердился и проворчалъ:

— А ты отчего такъ весела?

— Читала смѣшную книгу!— отвѣтила Лапидина и показала обложку «Потерянаго рая» Мильтона.

Терентій Васильевичъ промолчалъ, не обративъ вниманія на шутку (или вызовъ) жены. Молча доѣхали до дому. Только войдя въ гостиную, Маргарита Петровна замѣтила:

— А что же ты, Теня, не спросишь, куда я ѣздила.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, куда ты ѣздила? Я не спрашивалъ, думалъ, что поѣду куда-нибудь, ничего особеннаго.

— Ничего особеннаго!— повторила Лапидина, но такимъ тономъ, что мужъ встревоженно спросилъ:

— Не надо, милая.

— Нѣтъ, я хочу быть съ тобою открыто до конца.

Не успѣлъ Терентій Васильевичъ сказать что-нибудь, какъ на его колѣняхъ очутилась связка писемъ на англійскомъ языкѣ; она появилась такъ быстро, словно заграниче была приготовлена.

— Англичанинъ?—спросилъ Лапидинъ.

— Прочти.

Писемъ было не такъ много, да Терентію Васильевичу и не нужно было читать ихъ всё. Онъ тихо сползъ на коверъ и, прижавъ къ женной рукѣ, прошепталъ:

— Прости, Маргарита, если можешь. Но какъ тебѣ достались мои письма? Неужели мистриссъ донесла?

Лапидина ничѣмъ не отвѣчала, потому произнесла:

Изъ дѣйствующей арміи.

По неслучайно рѣдкой фотографіи корреспондента «Огонька» съ театра войны.

Взрывъ непріятельскаго снаряда на передовыхъ позиціяхъ р. Миссы.

Рѣдкій моментъ довелось запечатлѣть нашему корреспонденту на пластинкѣ своего фотографическаго аппарата. Неподалеку отъ линіи окоповъ, за береговой рощей, черезъ болотистую мѣстность, протекаетъ рѣка Мисса. Въ прохладной водѣ этой рѣки и вздумалъ выкупаться въ минуту «полнаго затишья» латышскій волонтеръ, спутникъ нашего фотографа. Установивъ треножникъ своего аппарата немного впереди, фотографъ приготовился къ съемкѣ купальщика, ставшаго въ лозу на болотистой

кочкѣ. Правѣ примостился съ удочкой солдатъ-рыболовъ.

Въ этотъ самый моментъ откуда-то прилетѣвшій «заблудившійся» снарядъ, разорвавшись, съ силой ударилъ въ воду. Моментъ ослѣпленія—и, казалось бы, отъ всѣхъ свидѣтелей этой сцены не останется и слѣда. Треножникъ аппарата съ шумомъ грохнулся на землю, фотографа отбросило въ сторону. Силой взрыва купальщика буквально втиснуло по голову въ болотистую лужу. Рыболовъ былъ разорванъ на

кочки. Но затворъ аппарата успѣлъ автоматически, подъ вліяніемъ сотрясенія воздуха, щелкнуть. Какъ выяснилось впоследствии на чудомъ уцѣлѣвшей и проявленной пластинкѣ, объективъ зафиксировалъ самый моментъ взрыва снаряда, еще живого, незадѣтаго, черезъ секунду разорваннаго рыболова, а лѣвае—по горло застрявшаго въ болотѣ спасшагося волонтера.

— Теня! Какой неожиданный случай!— и еще разъ разсмѣялась.

Скрываться было невозможно, но Терентій Васильевичъ былъ разсерженъ до крайности. Ему даже казалось, что Маргарита Петровна утрируетъ громкій голосъ, что никогда она такъ прямо не говорила, особенно въ общественныхъ мѣстахъ. Сосѣдь Лапидинъ, видя семейную встрѣчку, удалился, предоставивъ мѣсто мужу. Тотъ съѣлъ надутый и растерянный межъ тѣмъ, какъ жена, повизгивая, чувствовала себя прекрасно: спокойно и весело, даже шакъ-то задорно.

— Что ты все озираешься?—спросила она, замѣтивъ его беспокойный взглядъ.

— Ищу... вспоминаю, гдѣ я оставилъ пакетъ...

— Развѣ что-нибудь случилось?

Легкая усмѣшка мелькнула на губахъ Маргариты Петровны.

— Можетъ быть. Я вообще хотѣла поговорить съ тобою, все не удалось. Мы такъ рѣдко видаемся. Я очень виновата передъ тобою.

— Что ты, что ты!—замахалъ было руками Терентій Васильевичъ, но жена настойчиво и какъ-то уныло продолжала:

— Я очень виновата передъ тобою. Покуда ты бивалъ занятъ, трудился, работалъ, я завела... исторію, ну, романъ, если хочешь. Онъ еще не такъ далеко зашелъ, чтобы нельзя было вернуться. Я хотѣла признаться тебѣ... Вотъ. Я хочу съѣзжать усиліемъ воли и прекратить все это, я отдаю тебѣ его письма.

— Видите, какую предательницу вы любили!

— Я ее больше никогда не увижу!

— Не ругайтесь. И я не обѣщала прекратить сношенія съ моимъ англичаниномъ.

— Развѣ онъ все-таки существуетъ?

— Какъ и ваша мистриссъ.

Брови Терентія Васильевича все шодниваются, ротъ раскрывается и словно только ждетъ позволенія распухнуть въ улыбку.

— Такъ это... такъ это...

— Не смущайтесь водешильнымъ положеніемъ. У васъ былъ флиртъ (заочный) со мною. Это вамъ подтвердитъ мистеръ Овенъ и всѣ ученики.

— Но какъ же это могло выйти?

Нѣмецкая ракета.

Рисунокъ корнета Д. Б...

Въ плѣнь со своимъ оружіемъ.

Рисунокъ П. СЕЛИВАНОВА.

Наблюдательный пунктъ.

Рисунокъ корнета Д. Б...

На развѣднѣ.

Рисунокъ корнета Д. Б...

Въ г. Тенучѣ.—У грѣлки.

Рисунокъ П. СЕЛИВАНОВА.

Престарѣлый сербскій король Петръ на борту французскаго миноносца.

Король послѣднее время живетъ уединенно въ Халкисъ, на одномъ изъ Евбейскихъ острововъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ на французскомъ миноносцѣ отправился въ Салоники для свиданія съ своимъ сыномъ. На фотографіи видно, что король отпустилъ себѣ бороду.

Лашидинъ краемъ уха слушалъ разсказъ жены, какъ она со знакомыми англичанами рѣшила открыть совмѣстные уроки. Она прельстилась практикой и возможностью заработать личныя деньги. Когда записался Лашидинъ, она старалась скрыть свое участіе въ урокахъ, шлопомъ же, когда онъ адресовался къ ней съ письмами, было еще больше причинъ ей скрываться.

Маргарита Петровна еще не кончила своего разсказа, какъ мужъ заговорилъ:

— Такъ какъ же будетъ считаться, что я любѣ измѣнилъ?

— Врѣдъ того.

— Но врѣдъ и ты увлекалась корреспондентомъ.

— Я знала, что это — ты

— Мистеръ Лэпайденъ?

— Да, мистеръ Лэпайденъ.

Терентій Васильевичъ вздохнулъ.

— Все-таки жалъ мистриссъ. Она была такая веселая, такъ сверкала зубами.

— Если хочешь, будемъ продолжать переписку? — проговорила Маргарита Петровна и поцѣловала мужа.

М. Кузминъ.

Какъ остро наточилъ я стрѣлы!
Какъ отравилъ я острія!
Какіе дальніе предѣлы
Для стрѣлъ моихъ намѣтилъ я!

Но отчего же врагъ не воетъ,
Предсмертную почуявъ боль?
Да что, — и говорить не стоитъ, —
Ахъ, на колчанъ бандероль!

И вотъ, ликующую братью
Не нижегъ острая стрѣла,
И за казенною печатью
Колчанъ мой лента обвила.

Федоръ Сологубъ.

Писатель Петръ Петровичъ Гнѣдичъ.

(Къ 40-лѣтію его литературной дѣятельности).

По фотографіи для «Огонька» съ портрета худ. Е. Клакачевой. Этотъ мастерски исполненный цвѣтными карандашами рисунокъ знаменитый писатель, нашъ долгодѣйный маститый сотрудникъ, считаетъ самымъ удачнымъ изъ всѣхъ своихъ портретовъ.

Походный узорникъ

ТРИЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТУЕСОКЪ.

131.

Штабсъ-капитанъ, который „на Мункачъ хадиль“...

... Волна шумной жизни закатилась и въ эту тусклую глушь.

Приходятъ и уходятъ шумные поѣзда. Не смолкаютъ гудки паровозовъ. Около

Новый членъ Г. Совѣта по назначенію сенаторъ Г. Г. Чаплинскій.

По фотографіи для «Огонька».

станціи выросъ цѣлый городокъ. Раскинуты красивыя палатки «Краснаго Креста». Войкая торговля идетъ въ вагонъ-складѣ «Экономки». Оживленіе паритъ въ «чайнушкѣ» Пуришкевича, гдѣ милья и

ласковыя сестрицы умощаютъ вкуснымъ лимонарнымъ чаемъ, печеніемъ и прочими деликатесами «окошниковъ», прибывающихъ на станцію по дѣламъ службы, или съ тѣмъ, чтобы «юркнуть» въ первый попавшійся вагонъ воинскаго эшелона и «катнуть» въ отпускъ.

Молоденькіе съ загорѣлыми лицами прапорщики, угрюмые, сосредоточенные капитаны, подполковники и полковники смѣшались въ одну толпу.

Въ углу, около теплой изразцовой печки, пріотился хмурый штабсъ-капитанъ.

На погонахъ № шифръ одного изъ славыишихъ кавказскихъ полковъ.

У штабсъ-капитана — грустные, грустные глаза. Типичное лицо горца.

Вся грудь въ орденахъ.

Проходящіе прапорщики охотно козыряютъ этому босвому офицеру.

Штабсъ-капитанъ съ нескрываемымъ любопытствомъ разглядываетъ пеструю толпу. Его глаза какъ-будто кого-то ищутъ. Грустный взглядъ какъ-будто говоритъ: «Придетъ... непременно придетъ... Вѣдь я жду... Долго жду».

Красивое лицо. Въ маленькой бородкѣ кое-гдѣ уже мелькаетъ первое серебро.

Изъ моего раздумья меня вывелъ рѣзкій голосъ штабсъ-капитана.

Я услышалъ обращенный ко мнѣ вопросъ:

— Какого корпуса... будытѣ?

Я называю славный, кавказскій корпусъ, къ которому недавно причислена наша часть.

— Будемъ знакомы... Харошъ корпусъ... — полубаситъ штабсъ-капитанъ, протягивая мнѣ свою мягкую руку.

— Понимаешь... здѣсь сыдымъ!.. Сидымъ три шипя!.. Удовольствы имѣемъ! Харашо здѣсь!.. Лудѣй много!.. Савсемъ какъ Кисловодскъ! Харошъ публикѣ! Невиз-

Новый начальник главнаго управления по дѣламъ печати, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, камергеръ, д. с. с. А. А. Катенинъ.

По фотографіи для «Огонька».

тыста, господинъ комендантъ!.. Здѣсь сидимъ!.. Уходимъ же будемъ!.. На отпускъ ны пойдимъ!.. Былѣтъ разорвѣмъ!.. Кхакой, скажы пожалыста, лубопытны!!!

Мимо нашего стола прошель комендантъ въ ярко-красной фуражкѣ.

Онъ только покосился въ нашу сторону.

Гордый кавказецъ, которому комендантъ испортилъ настроеніе, тоже покосился на высокоаго сталнаго подполковника и, стучнувъ по столу золотымъ шортситаромъ, крикнулъ прямо:

— Ч..экъ, давай мино шашлыкъ!.. Самы настояцы шашлыкъ давай!..

Среди гомона и суеты я долго смотрю на героя-штабъ-капитана,

который такъ тихо на «Мункачъ хадымъ и австрицкы обозъ планиль... девять верстѣ».

Я сразу понялъ капитана. По грустному-грустному взгляду красивыхъ глазъ я вижу, что штабъ-капитанъ одиновъ, что у него на Кавказѣ, видно, нѣтъ никого. Ему пріятно замѣшаться въ эту пеструю толпу и мечтать о какомъ-нибудь пріятномъ-пріятномъ знакомствѣ.

... Онъ мечтаетъ о томъ, что проходя мимо его стола нѣжная сестра, уловивъ его молящій взглядъ, сядетъ за этотъ столъ и потребуетъ себѣ стаканъ чаю. А онъ протянетъ сестрѣ свою руку и скажетъ: милы сестрицъ!.. милы дѣвушка—будемъ знакомы!.. Расскажы мнѣ что-нибудь хорошы!..

Онъ скажетъ сестрицѣ, что онъ давно не видѣлъ женскаго личика, скажетъ это съ чисто кавказскимъ рыцарствомъ, чтобы не обидѣть сестру, чтобы она поняла тоску его души, чтобы она поняла, что этому закаленному въ жестокихъ бояхъ, безумно храброму кавказцу нуженъ хоть одинъ нѣжный взглядъ, нѣжная, женская ласка, которая выражается въ трепетномъ рукопожатіи, въ ласковомъ взглядѣ лучистыхъ глазъ.

... Онъ будетъ изыскано вѣжливъ, онъ лично отнесетъ въ вагонъ багажъ сестрицы. Онъ на прощаніе нѣжно, нѣжно поцѣлуетъ ея руку и тростнымъ взглядомъ будетъ провожать уходящій поѣздъ.

Онъ шепнетъ на прощаніе, «прощай, милы дѣвушка!.. Господь съ тобой!» И, «отсидѣвъ» свой кратковременный отпускъ здѣсь, на этой станціи, онъ унесетъ съ собою въ жуткую боевую обстановку нѣжное воспоминаніе о мимолетной сказкѣ...

А съ командантомъ станціи онъ еще «поговоритъ».

— Уходить не уходимъ!.. Не желать!.. Теперъ уходимъ!.. Прощай, гаспадинъ палковныкъ!.. Безпорядка не будимъ болше дѣлать!.. Мы никому ны мапать.

Андрей Роствцевъ

Новый членъ совѣта главнаго управления по дѣламъ печати Н. И. Левитскій.

По фотографіи для «Огонька».

132.

Незамѣтные труженики.

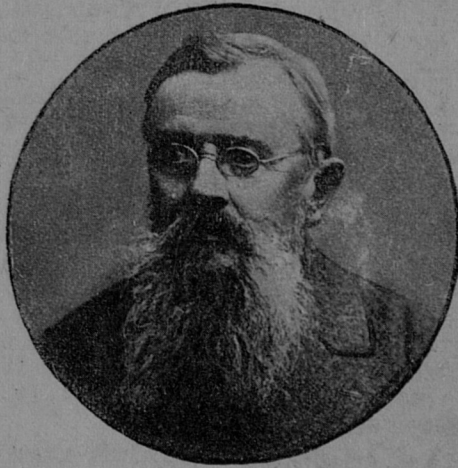
Бравныя подвиги нашего строевого «сѣрото» сдѣлали всѣми оценены по достоинству, всѣми близки, понятны и дороги.

Существуетъ однако до сихъ поръ остающаяся еще въ тѣни категорія незамѣтныхъ тружениковъ — солдатъ нестроевыхъ. Изъ отдѣльныхъ мелкихъ частей и винтовъ образуется сложный механизмъ.

Потерялся, стерся винтикъ... и механизмъ замеръ. Роль этихъ винтиковъ, незамѣтныхъ, но насущно необходимыхъ, исполняютъ нестроевые солдаты.

Унылое, сѣрое небо. Мокрыми хлопьями падаетъ снѣгъ. Завываетъ осенній пронзительный вѣтеръ. По грязной разбитой дорогѣ тянется походная кухня. Нѣсколько человекъ сопровождаетъ ее. Впереди идетъ высокий, красивый грузинъ. Это — Юрамъ Гвелебиани, — главный поваръ офицерскаго собранія, — везетъ на позицію обѣдъ для офицеровъ. Всѣ остальные солдаты — прислуга собранія — «штабъ» Юрзма. Гвелебиани — центръ и душа этой компаніи. Это — человекъ, отдающій своему дѣлу всей душой: онъ творитъ, создаетъ, а не стращаетъ. Творитъ съ любовью, доходящей до самозабвенія.

Вспоминается слѣдующій случай. Обозъ двигался всю ночь, устали и лошади, и люди. Всѣ жаждутъ отдыха и сна. Гвелебиани объ этомъ можетъ лишь мечтать. Онъ долженъ сдѣлать свое, всѣ должны быть сыты и довольны. Кончился обѣдъ, снова получается распоряженіе о дальнѣйшемъ движеніи.

Извѣстный путешественникъ, старѣйшій заслуженный русскій дѣтель въ Туркестанѣ,

В. Ф. Ошанинъ.

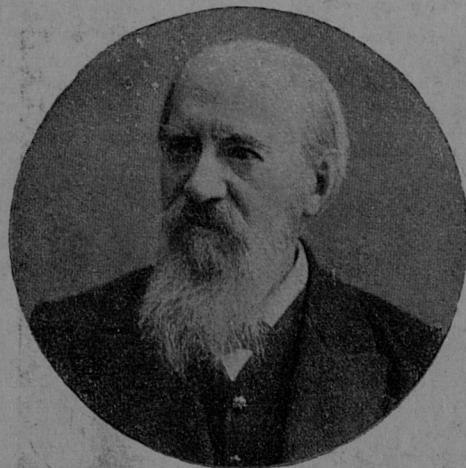
(Скончался 25-го января 1917 г.)

По фотографіи для «Огонька».

даль давино людямъ... Развѣ шеприятель — людямъ?

Штабъ-капитанъ добавляетъ некрасивое, жестокое ругательство.

— Понймаэшъ. Карпатамъ хадымъ!.. Увсе выдалъ!.. Хадымъ на Мункачъ.. своимъ ротамъ ходимъ... австрицка прывалъ!.. у минѣ было восимдасѣтъ человекъ!.. двести привѣлъ... оружы сдавалъ!.. Дѣвѣтъ верстѣ австрицкы обозъ вадимъ!.. Понймаэшъ, отдыкъ палучилъ!.. Хадымъ на эти станцы!.. Билѣтъ бралъ!.. На Кавказъ ѣхалъ!.. И скючно стала!.. Думалъ—ны поѣду!.. Здѣсь будемъ сидѣть!.. Будемъ сматрѣтъ! Кущатъ будемъ! Спать здѣсь будимъ!.. Понймаэшъ, нравитсѣ мино здѣсь!.. Камындантъ ни нравитсѣ!.. Прыходить вѣра мой столъ и гаварить: гаспадинъ капитанъ!.. Долго здѣсь сидимъ!.. Какой-нибудь дѣло имышь!.. Куды ѣдышь, скажы пожалыста!.. Зачымъ здѣсь скучаышь?.. Айда, на позыцы не пойдимъ?.. А мы ему говарымъ: уходы, пожа-

† А. Г. Неболсинъ,

предсѣдатель комиссіи по техническому образованию при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ.

(Скончался 29-го января 1917 г.)

Покойный А. Г. былъ инициаторомъ и пионеромъ профессиональнаго образования въ Россіи, и въ этой области нѣтъ рѣшительно ни одного начинанія, которое бы не было связано съ его именемъ.

По фотографіи для «Огонька».

Безропотно садится Юрамель на свою кухню и двигается в путь. В руках у него ножъ, подъ ногами — картошка. Онъ долженъ приготовить и ужинъ. Однако усталость беретъ свое: рука съ ножомъ безпомощно падаетъ, голова склоняется на грудь... Юрамель засыпаетъ. Повозка попадаетъ въ выбоину, сильный толчекъ... и Юрамель проснулся. Изумленно обводитъ кругомъ глазами, испуганно подымаетъ опущенную руку. Ножъ цѣль, онъ успокаивается... и снова чиститъ и чиститъ.

Офицеръ французской арміи въ полномъ современномъ боевомъ снаряженіи.

По фотографіи корреспондента «Огонька».

Англійское тяжелое орудіе, съ трудомъ передвигаемое по грязи.

По фотографіи корреспондента «Огонька».

заклчается въ плохомъ знаніи русскаго языка. При отсутствіи Гвелебіани онъ, помимо своего желанія, дѣлается молчаливымъ.

Улыбка теряетъ значительную долю сво-

все веселье и веселье, концы усавъ какъ-будто приподнимаются.

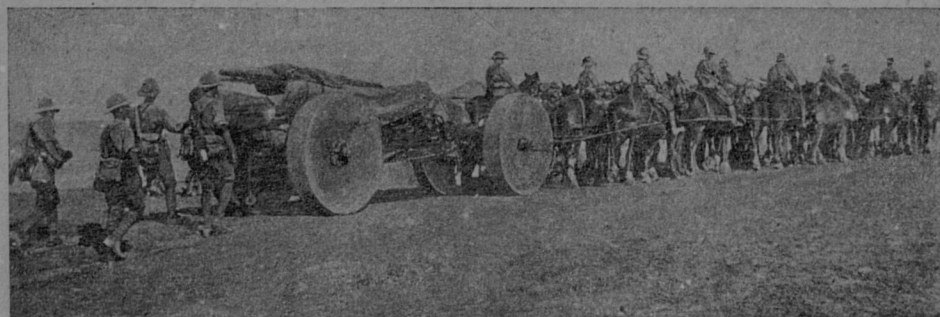
Бойко, безпрерывно, какъ торохъ обь стѣну, сыплетъ онъ грузинскими словами. Келенидзе переродился. На своемъ родномъ языкѣ расскажетъ онъ теперь Гвелебіани все, что волновало и тревожило его за этотъ долгій томительный періодъ невольнаго молчанія. Не чужды Келенидзе и ратной жизни. Лишь случайно сбѣлался въ полку известнымъ его «поварской» талантъ.

Долгое время, около года служилъ онъ въ строю. Многие пришлось пережить маленькому Георгію. При Сувалкахъ, въ этомъ славномъ для нашего полка дѣлѣ, случилось ему грудь съ грудью, лицомъ къ лицу встрѣтиться съ врагомъ. И здѣсь Келенидзе, вѣрный своему долгу и присягѣ, не уступилъ ни въ чемъ своимъ товарищамъ.

На славу тогда поработалъ русскій штыкъ! Закваска стараго боевого солдата осталась у него до сихъ поръ. Подвергается онъ (вмѣстѣ съ Гвелебіани) опасностямъ и теперь.

Нѣсколько разъ офицерская кухня, близко подвѣзшая къ позиціи, попадала подъ обстрѣлъ неприятельскихъ орудій.

Взволнованный и блѣдный, но отнюдь не потерявшій самообладанія, докладываетъ

Англичане на египетско-сирійской границѣ.—Перевозка тяжелого орудія по песну пустыни на широкихъ деревянныхъ колесахъ.

По фотографіи корреспондента «Огонька».

Настало страдное время, лишь съ большимъ трудомъ приобретаались нужные для кухни продукты. Масла имѣлся очень ограниченныи запасъ, въ ближайшемъ будущемъ грозилъ «масляный голодъ». Гвелебіани сразу ощутилъ трудное положеніе. Вѣдь поваръ безъ масла—это машина безъ рычага. Онъ уже забылъ и думать о такихъ большихъ величинахъ, какъ фунты. Пришлось перейти на лоты и даже золотники. На грѣхъ подоспѣлъ грибной сезонъ, а грибы уродились такіе сочные, такіе соблазнительные.

Командиръ полка пожелалъ отвѣдать вкуснаго блюда. Растерянный ходитъ Гвелебіани, вѣдь на грибы надо такъ много драгоценнаго масла. Такой «непроизводительной» сверхъ обѣда затраты масла онъ не предвидѣлъ.

Приказаніе командира однако должно быть исполнено. Съ болью въ сердцѣ готовить Гвелебіани заказанное блюдо. Самъ онъ передаетъ свое скорбное настроеніе слѣдующими безхитростными словами: «жарю грибы, а самъ, плачу и плачу: ужъ очень масла жалко».

Георгій Келенидзе — ближайшій помощникъ и другъ Гвелебіани. Маленькій, юркій и живой, съ черными, какъ смоль, волосами, съ вѣчной улыбкой на устахъ, всегда вѣжливый корректный и исполнительный, онъ во всемъ старается подражать своему «патрону». Вся бѣда маленькаго Георгія

ей веселости, зачесанные вверху усы торчать уже не такъ побѣдительно.

Приходится потерпѣть, помолчать. Зато при появленіи земляка Гвелебіани онъ оживаетъ. Улыбка все шире и шире расцвѣтается у него на лицѣ, глаза дѣлаются

Поваръ офицерскаго собранія Юрамель Гвелебіани (X) и его «штабъ» (см. «Пох. Уз.», № 132).

По фотографіи корреспондента «Огонька» — въ дѣйствующей арміи.

однажды маленький Георгий на ломаном русском языке своему ближайшему начальству об одном из таких обстрелов. «Ударил, ваш благород, тяжелой снаряд савсимь близко. Перевернулся кухня. Слава Богу, ничего. Супь цѣль осталась. Кришка въ котлѣ карашо била завинчена. Только двухъ людей ранило, да одного убило». Не ищите въ этихъ словахъ безсердечія и эгоизма. Война требуетъ жертвъ. Этотъ лозунгъ проникъ и въ сознание Келенидзе, притупившіе за время долгой войны нервы не реагируютъ ужь такъ бодренно, какъ раньше, на каждое несчастье. Келенидзе весь поглощенъ своими прямыми обязанностями.

Немудрено, что «офицерскій борщъ и гарниръ ко второму» — у него на первомъ планѣ, а все остальное — только на второмъ.

Подпор. В. Богдановъ.

133.

Танцы.

Солнце только-что скрылось за неприятельскимъ тѣсомъ. Сумерки стали спускаться... Небольшія рощицы постепенно дѣваются мглою; только на небѣ все еще видны отблески угасающаго солнца. Вечеръ теплый, хотя и осенній... Я выбиралось изъ своей землянки — сырой, но уютной, подышать свѣжимъ воздухомъ. Поднимаюсь по горкѣ, выхожу на дорогу, прокладываемую «мирнымъ» населеніемъ. Цѣлые дни можно здѣсь слышать удары топора: это «они» — наши друзья помогаютъ намъ бороться за общее великое дѣло, принося свой посильный трудъ на алтарь Бельоны.

Какъ быстро кинуть у нихъ работа! Вчера еще здѣсь была песчаная, изрытая колесами повозокъ и грузныхъ орудій дорога, а сегодня — уже тянется на большое пространство деревянное ровное шоссе.

Все, все отдають они родинѣ: не только свои силы, но и удобства своей жизни. До города далеко, и они не ходятъ туда; они почувють здѣсь, неподалеку отъ насъ, въ резервныхъ окопахъ.

Женщины и мужчины, старики и подростки, — всѣ они горячо сочувствуютъ намъ, потому что вѣчно видятъ невзгоды нашей позиціонной жизни.

... Я иду по дорогѣ... Милые дружелюбны уже мирно отдыхаютъ въ своихъ непримотливыхъ дубьжицахъ, только дѣвушки, одна за дружкой, выходятъ на дорогу...

— Вы куда идете? — спрашаюсь я къ одной изъ нихъ.

— На танцы..., — отвѣ-

чаетъ она съ улыбкой на свѣжемъ розовомъ личикѣ и, удивленная моимъ вопросомъ, исчезаетъ среди подругъ.

На какіе танцы, гдѣ они могутъ быть здѣсь, въ четырехъ верстахъ отъ неприятеля? — задаю я себѣ мысленно всю дорогу одни и тѣ же вопросы и, заинтересованный этими неопытными для меня «танцами», слышу за оживленно-бесѣдующими между собой дѣвушками.

На опушкѣ рощицы, по правую сторону дороги слышна мелодія «краковяка».

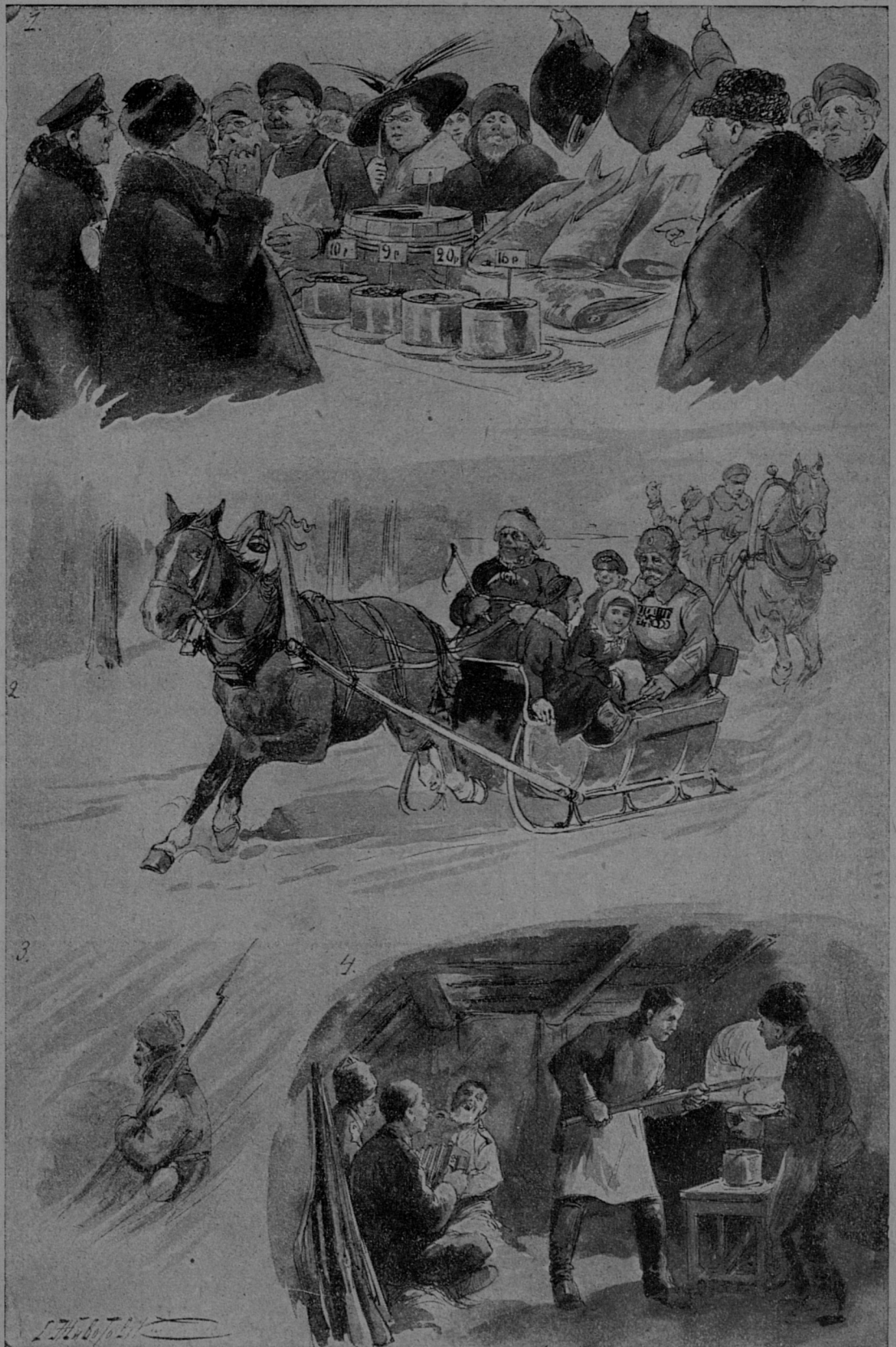
Я сворачиваю съ дороги и направляюсь къ небольшой, но и не малой группѣ солдатъ, образовавшихъ собой тѣсное, шлотное кольцо.

Изъ-за общей массы головъ мелькаютъ головы танцующихъ. Какое-то пригнѣтое чувство охватываетъ все существо... Чѣмъ-то родимымъ, пережитымъ когда-то вѣтъ отъ этой картинки!...

Я подхожу ближе... Наши артиллеристы, громко звеня шпорами, кружатся съ дѣвушками. Балалайка и гар-

М А С Л Я Н И Ц А.

Рисунокъ для журнала «Огонь» худ. С. ЖИВОТОВСКАГО.

1) Въ петроградномъ гастрономическомъ магазинѣ. 2) За городомъ. 3) На позиціи — въ сенреть. 4) Въ землянкѣ — печеніе блиновъ.

По фотографиям корреспондентов «Огонька» на театре войны.

Спектакль для солдат на позиции.

Все участвующие лица, вплоть до дам и подростков—низшие чины.

монія — представляют весь «оркестръ».

Долго стою я и наблюдаю за этой забавной идиллией, забываю, что здесь позиция, что здесь — царство ужаса и смерти.

Хочется самому завружиться в общем выхри «вальса», «крючовяка», скрасить несколько монотонность своей жизни, но какая-то нерешительность приковывает к месту, — я стою и наблюдаю...

Танцующие раскраснелись, устали... «Импровизированный» оркестръ замолкает, и каждый солдатик, бойко лязгнув шпорами, благодарит свою барышню за танцы.

До чего все просто и красиво!..

Четверть часа перерыва, и снова мелькают жизнерадостные пары... Смотришь и дивишься, и не хочется верить, что здесь война, что здесь льется рѣкою кровь!

Славная, милая картинка!..

Действительно, убеждаешься и глубже сознаешь мощь духа нашего воина-пахаря. В трудную минуту он и то не унывает!..

Хочется крѣпко пожать всем танцующим руки и благодарить, благодарить без конца за то, что догадались скрасить скуку «затишья» на фронте.

... Выглянувшая из-за тучи луна осветила близкими лучами рожищу, — и все сбѣлалось каким-то сказочным, фееричным...

Душа преисполнена восторгом, мозг не в состоянии дать отчет о происходящем, и кажется, будто это — не лев, а — сон!..

Вольнопр. В. Р. Вол—гь.

134.

Доброволец расшалился...

Морозная праздничная ночь. Все гонимое в лучшем свете, приталось кѣни под липами старого парка. На краю

Ряженные.

усадьбы стоит длинное здание крахмального завода, там в больших окнах желтѣет свѣтъ, колеблются силуэты. То

Игра «въ мѣшок».

веселится молодежь расположенной в усадьбе пулеметной команды казачьяго полка. Старшие ушли, разрѣшили гулять; а там через день опять бурни, ученье, снова в окопы...

Среди казаков, — худенькая небольшая фигура добровольца Пернета с туго перетянутым поясом. Это — дѣвушка, с весны раздѣляющая с полком невзгоды и радости. Про нее знают только, что она из хорошей семьи, образованная барышня, принята в полкъ по чьей-то важной рекомендации. Она наравнѣ с другими не сетит дивальства, чистит лошадей, безропотно лежала в окопах, рядом с пулеметом в холодные ночи. Она строга, дурова, а в то же время весела и беззаботна, за что ее и любят в командѣ. Ея мечта — опроститься и слиться с казаками, она любит курить махорку, любит говорить грубо и просто, и лишь широкія бедра слегка выдают ее истинное происхождение. Теперь она веселился выѣтъ с товарищами. О, конечно, Пернетъ не уйдет раньше других спать на свое мѣсто — за печкой в избушкѣ садовника!

Казаки поют пѣсни, пляшутъ под гармоникку и толкаются. — Пернетъ не отстаёт от других, а глаза сверкают, щеки раскраснѣлись, какъ бы ни было былыхъ воспоминаний. Что было, то не вернется, Пернетъ теперь — казакъ, дикой боецъ!..

Молодой стройный пулеметчикъ поднимается и кричитъ всей командѣ:

— Чего сидѣть, ребята? Айда въ деревню на вечеринку къ дѣвкамъ!

— Идемъ, братцы, идемъ все!.. — живо поддерживаетъ предложение остальные.

Пернетъ попалъ в общую струю веселья, лихо обводитъ глазами товарищей и говоритъ:

— А, что-жъ! Къ дѣвкамъ, такъ дѣвкамъ!..

Все цѣрьюбой вываливается на улицу.

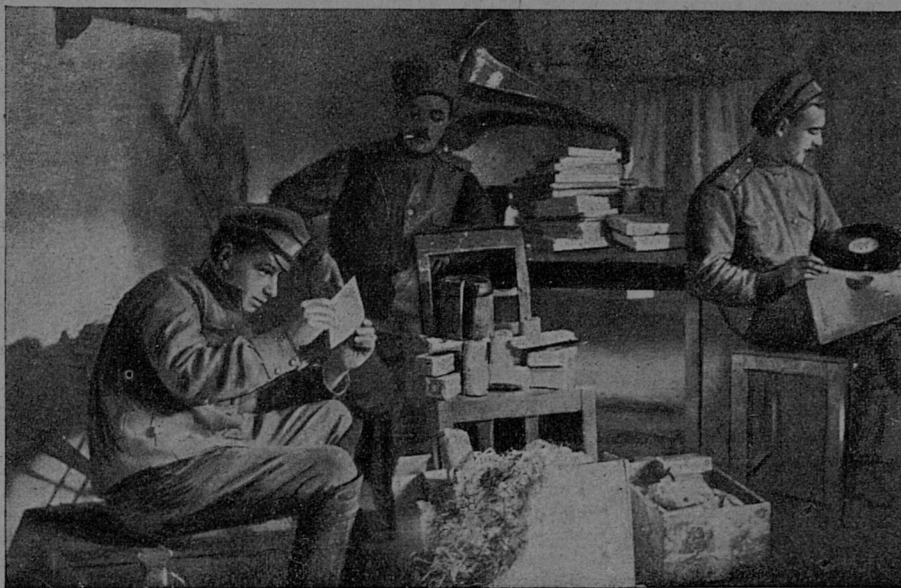
Вет. врачъ Л. Г.

135.

Ночной походъ.

Это очень странный случай. Вы могли бы приписать его разстроеннымъ нервамъ и большому воображенію, но я былъ не одинъ: поручикъ Б. и докторъ З. могутъ подтвердить, что все это было действительно такъ, какъ сейчасъ я расскажу.

Мы ночевали въ одной польской деревушкѣ. Это было во время нашего движенія къ Кракову, когда разбитые на Ви-

Прибыли посылки изъ дому.

слѣ австро-германцы стремительной войной катились назадъ. Поручикъ К. и докторъ З. также, какъ и я, догоняли свои части. Встрѣтились мы у этапнаго коменданта, и такъ какъ наши части входили въ составъ одного и того же корпуса, то и рѣшили дальнѣйшій путь продолжать вмѣстѣ.

Деревушка была пуста. Вокругъ нея при наступленіи нѣмцевъ происходили жестокіе бои. Халупа, избранная нами для ночлега, была, кажется, единственной, которую пощадилъ снарядъ, хотя и ея стѣны были избѣгнены ружейными пулями. Деньщики истопили печь и сварили намъ консервы. Поужинавъ, мы улеглись спать на разставленныхъ походныхъ кроватяхъ.

Докторъ читалъ еще нѣкоторое время въ постели со свѣчкой, а я и поручикъ заснули тотчасъ же. День ѣзды на тряской фурманкѣ давалъ себя чувствовать. Не знаю, долго-ли я спалъ, но проснулся я отъ какого-то безпокойнаго чувства. Такъ просыпаясь, когда вдругъ чувствуешь около себя чье-нибудь поостроннее присутствіе.

Въ халупѣ было темно. Смутно намѣчались квадраты маленькихъ оконъ. За перегородкой храпѣли деньщики, а съ улицы, тамъ, гдѣ шла дорога, доносился какой-то неясный шумъ. Я сѣлъ на постели и прислушался.

Несомнѣнно, за стѣной проходила кавалерія. Я ясно услышалъ топотъ лошадиныхъ ногъ, звонъ стремятъ и сабель. Судя по непрерывному дробному стуку копытъ, кавалеріи было много.

— Вы не спите?—одликнулъ меня изъ темноты докторъ.

— Нѣтъ.

— Слышите?

— Слышу. Черезъ деревню проходитъ кавалерія.

— Да, кавалерія, только откуда она взялась? До фронта около ста верстъ, и вчера еще на этапѣ намъ говорили, что никакихъ войскъ въ окрестностяхъ нѣтъ.

— Можетъ быть, откуда-нибудь перебрасывается?

— Можетъ быть...

— Нужно пойти узнать, что это за войско,—отозвался изъ своего угла поручикъ. Онъ тоже не спалъ.

Докторъ чиркнулъ спичкой и зажгетъ свѣчу. Шумъ за стѣной усиливался. Кавалерія, вѣроятно, пошла карьеромъ. Отъ топота лошадиныхъ ногъ подѣ нами задро-

жалъ полъ. До насъ донеслись какіе-то отрывистые, похожіе на команду, крики.

Фотографія на позиціи подѣ землей, вѣрнѣ подѣ снѣгомъ. Авторъ снимка, вольноопр. П. М. въ часы досуга занимается фотографіей.

Наскоро одѣвъ сапоги и накинувъ на плечи шинели, мы выбѣжали изъ халупы.

Ни стука копытъ, ни криковъ... Все это смолкло, точно оборвалось, лишь только мы переступили порогъ. На улицѣ было темно и абсолютно тихо...

— Господи, что это значитъ?—воскликнулъ докторъ.—Я ясно слышалъ, что мимо нашей халупы проходила кавалерія...

— И я слышалъ.

— И я,—подтвердили мы съ поручикомъ.

Зажгли электрическіе фонарики и стали осматривать дорогу. Никогда не было даже слѣдовъ лошадиныхъ копытъ. Обошли всю деревню—тоже пусто. Кавалерія спинула, точно сквозь землю провалилась...

Рано утромъ мы покинули деревню. Тайна ночного похода невѣдомой кавалеріи такъ и осталась для насъ не раскрытой.

Шт.-кап. Ал. Смирновъ-Рунскій.

136.

Францъ-Иосифъ въ германской скорлупѣ.

Когда-то зданіе ст. Чарторійскъ было чистенькимъ, уютнымъ домикомъ. Теперь—это голыя, полуразрушенныя стѣны, зияющія огромными отверстіями на мѣстахъ оконъ и дверей. Крыша снесена снарядами.

Стѣны испещрены надписями на русскомъ, нѣмецкомъ, австрійскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ и разрисованы множествомъ каррикатуръ и набросковъ, въ большинствѣ случаевъ неприличнаго свойства. Между прочимъ, есть каррикатура, мастерски набросанная углемъ, изображающая шоконнаго австрійскаго императора, запрягнутаго въ ялицъ и безпомощно выглядывающаго оттуда сквозь трещину въ стѣнкѣ ялица.

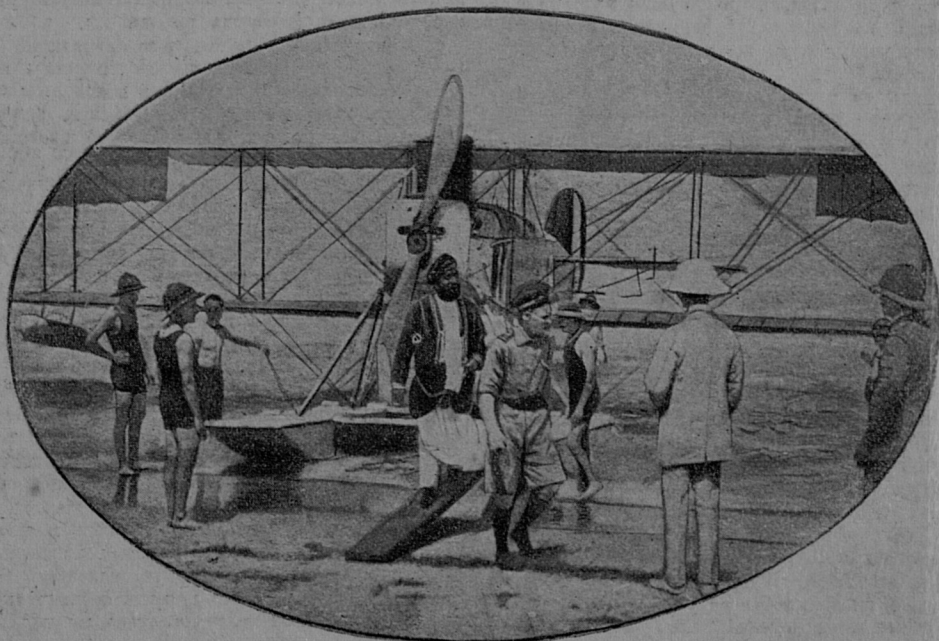
Надпись гласитъ:

— Францъ-Иосифъ въ германской скорлупѣ.

Преп. Ник. Литвинскій.

ВЪ ВОСТОЧНОЙ АФРИКѢ.

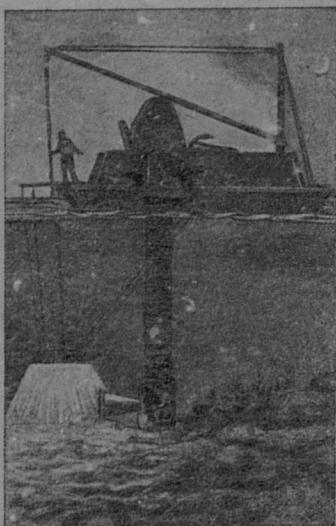
По фотографіи корреспондента «Огонька».

Занзибарскій султанъ сходитъ съ англійскаго гидроплана послѣ полета надѣ океаномъ.

Очеркъ съ иллюстраціями.

Разоблачить секреты морской пучины посредствомъ фотографии, запечатлѣть на пленкѣ и воспроизвести на экранѣ жизни и движенія доселѣ невѣдомыхъ породъ подводной фауны и

флоры—вотъ то чудо, которое удалось осуществить недавно американскимъ изобрѣтателямъ братьямъ Вильямсонъ.

Основная мысль новаго замѣчательнаго изобрѣтенія принадлежитъ извѣстному американскому путешественнику изобрѣтателю капитану Вильямсону. Мысль эта пришла ему въ голову совершенно случайно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пароходъ капитана получилъ во время плаванія, въ бурю пробойку въ нижней части трюма. Вода усиленно стала приливать черезъ отверстіе. Пароходу и экипажу грозила неминуемая гибель. Не теряя своего обычнаго хладнокровія, Вильямсонъ въ нѣсколько минутъ придумалъ способъ, какъ выйти изъ бѣды: ешилъ длинный мѣшокъ изъ непромокаемаго брезента, придѣлалъ къ нему рукава и штанины, прикрѣпилъ его къ бую и опустил въ немъ въ воду. Верхній конецъ мѣшка, черезъ который проникалъ воздухъ, высился надъ водой. Стоя въ этой холщевой трубѣ, Вильямсонъ преспокойно исправилъ образовавшуюся пробойку и предотвратилъ, такимъ образомъ, катастрофу.

Оба сына капитана, Эрнестъ и Жоржъ унаследовали отъ отца даръ изобрѣтательности и фантазіи. Какъ-то разъ, старшій изъ нихъ Эрнестъ,—художникъ, путешественникъ и фотографъ,—послѣ плаванія уезжалъ для отдыха на берегъ моря. Солнце садилось на горизонтѣ и окрашивало всю мѣстность въ радужные и таинственные цвѣта. Движеніе тѣни на водѣ воскресило въ памяти художника многочисленныя разнообразныя виды подводной фауны, за которыми онъ часто съ захватывающимъ интересомъ слѣдилъ на экранѣ кинематографа. А, между тѣмъ, это была вѣдь фикція: все снято въ уютной обстановкѣ искусственныхъ аквариумовъ... Почему бы не воспользоваться отцовскимъ изобрѣтеніемъ для подводной кинематографіи? Какіе чудесныя, феерическіе пейзажи можно было бы оживить на полотнѣ экрана!

Идея зародилась и, недолго думая, Эрнестъ, повѣдавъ мысль брату своему, приступилъ къ осуществленію ея. Они устроили остовъ трубы изъ множества стальныхъ трубокъ и пластинокъ, свернутыхъ кольцомъ и скрѣпленныхъ шинами изъ гибкаго желѣза. Остовъ трубы покрыли толстымъ слоемъ прорезанной ткани. Это позволило трубѣ растягиваться до 30 метровъ въ высоту и сдвигаться по желанію, на подобіе гигантскаго японскаго складнаго фонаря.

Первые опыты имѣли мѣсто въ водахъ Норфолкской гавани. Воды эти очень темныя, и на глубинѣ метра уже ничего различить нельзя. Батарея изъ 9-ти лампъ системы Кунперъ-Хьюитъ изъ 2,400 свѣчей каждая пришла на помощь. Какъ только была закинута удочка передъ стекломъ камеры, какъ тысячи рыбокъ набросились на приманку. На глубинѣ 10 метровъ братьямъ удалось произвести интереснѣйшія съемки.

На международной выставкѣ кинематографіи въ Нью-Йоркѣ снимки эти пользовались рѣдкимъ успѣхомъ. Они настолько заинтересовали натуралистовъ, что американскіе капиталисты тутъ же образовали общество для поощренія подводной кинематографіи, а въ концѣ 1914 г. была снаряжена дѣлая экспедиція на Богамскіе острова. Лучшій кинематографическій операторъ Америки Карль Грегори приглашенъ былъ для съемки. Воды Атлантическаго океана въ этихъ мѣстахъ настолько прозрачныя, что на большой глубинѣ удавалось снимать безъ всякаго искусственнаго освѣщенія. За исключеніемъ одной ленты, снятой въ полночь при электрическомъ свѣтѣ, Вильямсонамъ не приходилось прибѣгать къ лампамъ Хьювита. Въ одинъ мѣсяцъ былъ сооруженъ пароходъ въ 13 метровъ длины и 4 метра ширины съ отверстіемъ въ палубѣ въ видѣ колодца, обложеннаго непромокаемыми досками въ 2 метра на 3 метра. Въ память почитаемаго пророческаго генія Жюль Верна бр. Вильямсонъ окрестили пароходъ его именемъ. Приплывшій его на буксиръ пароходъ былъ названъ «Наутилусомъ». Въ самомъ дѣлѣ, не новали-ли глава увлекательнаго «80,000 верстъ подъ водой» открывается передъ нами? Океанъ развернулъ передъ бр. Вильямсонъ неподозрѣваемые доселѣ прелести своихъ движущихся садовъ, лѣсовъ и разноцвѣтныхъ равнинъ,

пурпурныхъ и золотыхъ. Въ подводной тишинѣ, подъ легкимъ покачиваніемъ глубинныхъ волнъ передъ объективомъ аппарата промелькнули пѣлыя богатства невѣдомаго царства медузъ, рубиновыхъ и сапфировыхъ рыбокъ.

Механическій насосъ поддерживалъ атмосферное давленіе въ трубѣ на уровнѣ давленія воды на стѣнки камеры. Воздушный и водный манометры, за которыми неустанно слѣдили, предохраняли камеру отъ разрыва. Что касается свѣта, то на глубинѣ 20 метровъ подъ тропическимъ солнцемъ онъ былъ настолько ослабѣнъ, что вѣера коралловъ, мчавшіеся съ быстротой 15 километровъ въ часъ, могли быть безъ искусственнаго свѣта сняты на разстояніи 70 метровъ, что превзошло ожиданія операторовъ.

Но бр. Вильямсонъ задался дѣлю принести изъ своей экспедиціи нѣчто другое, чѣмъ уже извѣстные образцы подводной фауны и флоры, которыми наполнены музеи аквариумовъ. Они пожелали воспроизвести на экранѣ невѣдомое и таинственное изъ океаническихъ глубинъ. Благодаря «Жюль-Верну» бр. Вильямсонъ, каталогъ подводнаго царства обогатился новыми видами подводной фауны, какъ корова-рыба, попутай-рыба, мотылекъ-рыба, лунная-рыба, сумасшедшая-рыба, докторъ-рыба, морской копы и т. п. Невѣдомый сортъ рыбы, удивительной красоты былъ, такимъ образомъ, открытъ: маленькая голова, отъ которой тянется длинный костный хребетъ, какъ древко знамени, половина хвоста, напоминающее полчище знамени, усѣяна звѣздочками, а другая половина исполосана пра-

вильными штрихами. Въ глубинѣ морской рыба какъ бы олицетворяла морское могущество Америки съ ея національнымъ флагомъ. Ее прозвали «Старая слава».

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ были сняты фильмы, ниня длиною до 7,000 метровъ, что является своего рода рекордомъ, если принять во вниманіе, что лента въ 2,500 метровъ можетъ заполнить сеансъ въ 2½ часа. Это подводное кинематографированіе дало возможность застичнуть подводную фауну въ самыхъ таинкахъ.

Но бр. Вильямсонъ захотѣли закончить свою поѣздку мастерскимъ, блестящимъ «кинематографическимъ» подвигомъ. Они знаютъ, что посылители кинематографическихъ сеансовъ, къ какой бы странѣ и національности они не принадлежали, очень падки на сильныя ощущенія, жаждутъ потрясеній и рады, когда могутъ нагнать на себя страху. До сихъ поръ ихъ довольно угощали зрѣлищами, какъ въ переносенный залъ, во время бала, влетаютъ безъ доклада разъяренныя тигры и львы. Каковъ же долженъ быть трепетъ, если имъ дадутъ возможность присутствовать на дуэли между человекомъ и акулой. Трулъ лошади былъ спущенъ въ воду для приманки передъ гаванью Нассау, излюбленнымъ мѣстомъ этихъ морскихъ чудовищъ. Четверть часа ожиданія,—и синяя тѣнь съ бѣлымъ животомъ промелькнула передъ аппаратомъ, повернула обратно и быстро исчезла. Черезъ полчаса акула вернулась въ сопровожденіи еще одной. Они долго кружились вокругъ парохода и кормы. Но странная труба, висѣвшая подъ «Жюль Верномъ» возбудила въ нихъ недоумѣніе. Два дня подрядъ они прицѣпляли къ трупу, но при видѣ подозрительной трубы уплывали назадъ. Лишь на третій день они рѣшились запустить зубы въ трупу. Передвинувшись черезъ перила парохода гигантъ-негръ съ ножемъ въ рукахъ, выглядывая въ воду, ждалъ удобнаго момента, чтобы броситься внизъ. Онъ такъ же боялся акулъ, какъ послѣднія щуки. Но недостаточно было рисковать своей жизнью; надо было еще вступить въ бой съ акулой именно въ удобный моментъ,—передъ камерой аппарата. Долгожданная минута настала.

Однимъ прыжкомъ, словно рессора, выпрыгнулъ во весь ростъ и бросился въ воду по направленію къ акулѣ. Въ глубинѣ трубы Георгъ Вильямсонъ и Грегори еле сдерживали дыханіе. Человѣкъ и подводное чудовище уже замѣтили другъ друга. Акула заработала хвостомъ и плавниками, быстро раскрыла пасть, готовая попробовать негритаискаго мяса. Но быстрымъ движеніемъ истиннаго гимнаста негръ подплылъ подъ животъ своего противника. Ударъ ножа. Мгновеніе ока. Облако густой крови окрасило воду, и въ то время, какъ побѣдитель поднимался на поверхность воды, безжизненный трупу акулы сталъ опускаться на дно. Ужасная дуэль закончилась побѣдой человека. Въ глазахъ бр. Вильямсонъ подводная труба является

не только приборомъ для фотографической документаліи и научныхъ изслѣдованій. Они теперь работаютъ надъ тѣмъ, какъ бы придать ему еще болѣе практическое примѣненіе, а именно въ розыскѣ поглощенныхъ океа-

номъ кладовъ и цѣнностей. Во время своихъ подводныхъ съемокъ бр. Вильямсонъ наткнулся на водолаза, который подбиралъ части и обломки потонушаго парохода. Эта встрѣча дала имъ идею примѣнить свою трубу для такихъ же цѣлей. Они придѣлали къ своей камерѣ рукава изъ непромокаемой ткани и снабдили ее всѣми необходимыми инструментами. Въ то время, какъ водолазъ, за отсутствіемъ свѣжаго воздуха, приговоренъ къ недолгому труду подъ водой, съ новымъ примѣненіемъ аппарата Вильямсоновъ пребываніе становится возможнымъ въ теченіе долгихъ часовъ.

Бр. Вильямсонъ обѣщаютъ, что вмѣстѣ съ секретами, таящимися въ морѣ, они выдадутъ намъ, въ скоромъ времени и хранящіеся тамъ клады. Судя по всему, они сдержатъ свое обѣщаніе.

„...Она была такая хорошенькая...“

ЖЕНЩИНА ВЪ ПАРКѢ

Рассказъ Бѣррэджа

(Съ англійскаго)

Мы съ Летти недавно навѣстили старыя мѣста, гдѣ протекла наша юность. Прошлые дни съ такою яркостью встали передъ

„... Мнѣ кажется, что за нами кто-то слѣдитъ...“

нами, точно все это было только вчера. Вспомнилъ намъ и случай, до сихъ поръ загадочный для насъ, но сыгравшій важную роль въ нашей жизни.

Вотъ что произошло шесть лѣтъ тому назадъ въ паркѣ, соединявшемъ школы высшую мужскую и женскую.

По ночамъ въ этомъ паркѣ происходили свиданія между воспитанниками высшей мужской школы и барышнями изъ женской. Быть можетъ, многія свиданія кончались печально, но мои почтенныя похождения окончились необычно—я женился на своей первой любви, и поточекъ къ этому далъ странный случай, происшедшій со мной и съ Летти во время одного изъ этихъ запретныхъ сношеній.

Встрѣчаясь въ паркѣ, мы съ Летти проводили время самымъ невиннымъ образомъ. Болтали, уплетали что-нибудь вкусное за обѣдками и радовались опасностямъ приключенія. Больше всего насъ тянуло на эти свиданія именно чувствомъ риска и запретности его. Мы даже ни разу не поцѣловались, пока... Но объ этомъ въ свое время.

Разъ какъ-то Летти рассказала мнѣ, что въ ихъ школѣ умерла отъ несчастной любви одна изъ преподавательницъ, нѣкая миссъ Дайсонъ. Я поднялъ Летти на смѣхъ. Въ наши дни не умираютъ отъ разбитаго сердца. Но Летти не такъ то легко было разубѣдить.

— Еще бы, бѣдной миссъ Дайсонъ не умереть съ горя,—возмутилась Летти,—когда ее бросилъ ея женихъ, вашъ же учитель Мервинъ. Мы всѣ знали, что она ходила къ нему на свиданія въ этотъ паркъ. Потомъ она заболѣла, а онъ уѣхалъ отсюда и написалъ ей, что между нами все кончено. Бѣдняжка такъ и не поправилась и умерла.

— Такъ она умерла отъ простуды!..

— Да нѣтъ же! Ее убило это послѣднее письмо Мервина,—упрямо подтвердила Летти.—А миссъ Дайсонъ была такая хорошенькая и добрая. Мы всѣ очень любили ее.

Время шло. Мы продолжали встрѣчаться съ Летти въ паркѣ, но про миссъ Дайсонъ какъ-то ужъ не было разговора.

Но случилось, что въ одно изъ нашихъ свиданій я

напугался за Летти. Была чудная лунная ночь. Я торопился встрѣтиться съ Летти близъ полянки, лежащей какъ разъ на полдорогѣ между обѣими школами. Подойдя къ полянкѣ, я вдругъ замѣтилъ женскую фигуру, рѣзко выдѣлявшуюся на фонѣ темныхъ сосенъ.

— Учительница..., — промелькнула у меня мысль.—Попадетъ Летти!

Фигура медленно скрылась за деревьями, а я, волнуясь, ждалъ прихода Летти. Она приблизилась, какъ всегда, задорная и беззаботная и на мое предупрежденіе только разсмѣялась:

— Глупости! У насъ всѣ спятъ, устали за день, и имъ не до прогулокъ. А ты такъ трусишь, что не хочешь даже угостить меня шоколадомъ!

— Если тебѣ хочется попасться, это твое дѣло,—разсердился я,—мнѣ же тельзя подводить своихъ товарищей. Попадись я,

ужъ никому больше не придется выходить по ночамъ.

Но коробку съ шоколадомъ я все-таки передалъ Летти и въ душѣ любовался ея спокойствіемъ. Но она сейчасъ же скомпрометировала себя въ моихъ глазахъ, заявивъ:

— А знаешь, мнѣ кажется, что за нами кто-то слѣдитъ.

— Глупости!—сказалъ я въ свою очередь,—кругомъ все тихо, мы тутъ одни.

— Нѣтъ. Джекъ, здѣсь кто-то есть,—настаивала Летти,—ты дѣлай, какъ хочешь, а я пойду домой.

— Ты же говорила, что тебѣ нечего бояться, потому что всѣ учительницы спятъ?..

Но Летти уже не могли остановить никакіе уговоры, и мы разстались.

На слѣдующее свиданіе Летти опоздала. Ожидая ее, я все время чувствовалъ какое-то беспокойство и рѣшилъ, что это вина Летти, такъ позорно бѣжавшей съ прошлаго свиданія. Я уже терялъ надежду повидать Летти, какъ она приблизилась блѣдная и задыхающаяся.

— Я бѣжала съ закрытыми глазами,—сказала она, судорожно хватая меня за руку,—мнѣ было такъ жутко. Джекъ, я, кажется, никогда больше не приду на свиданіе ночью.

— Чего же ты боишься? Я тебя уверяю, что сейчасъ здѣсь никого нѣтъ. Ну хочешь, осмотримъ все кругомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричала она въ страхѣ.

— Ты боишься со мной?

— Я не сойду съ этого мѣста.

— Такъ я пойду одинъ.

Я повернулся и пошелъ вглубь парка, бросая бѣдную, испуганную Летти, точно приросшую къ землѣ. Но пройдя нѣсколько шаговъ, я услышалъ, что Летти догоняетъ меня.

„...Взглянувъ на насъ, она разорвала письмо...“

Мобилизація женщинъ во Франціи.

Юмористическіе рисунки худ. Эруара

Городовые.

Урядникъ.

мы, пока не остановились у стараго дуба. Въ душло этого дуба блѣдная женщина просунула руку и вынула письмо. Потомъ взглянула на насъ и разорвала его на мелкіе клочки. И вдругъ мы съ Летти оказались одни. Никакой женщины съ нами не было, и никакихъ клочковъ бумаги на землѣ не было видно. Мы стояли вдвоемъ у душла стараго дуба.

Летти забилась въ рыданія, а я, обнявъ ее одной рукой, другую просунулъ въ душло. Тамъ я наткнулся на металлическую коробку, которую и вытащилъ на свѣтъ Божій.

Въ коробкѣ оказалось письмо, адресованное Мэрину. Я сейчасъ же уничтожилъ его потому, что его содержаніе было тайной умершей, и знать его не долженъ быть даже Мэринъ. Я зажегъ спичку, и огонь быстро уничтожилъ его, коробка же и до сихъ поръ хранится у меня.

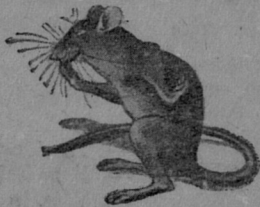
Когда шепель разлегъ какъ пыль, Летти жалобно шепнула:

— Джекъ, мнѣ... мнѣ страшно.

Мнѣ оставалось обнять ее и приласкать, какъ испуганнаго ребенка. Я и сдѣлалъ это довольно неумѣло и по-мальчишески. Но когда она прильнула ко мнѣ, во мнѣ проснулось новое, странное чувство. И тутъ, въ тиши шара, наши губы встрѣтились въ первый разъ въ поцѣлуй.

Сторожа въ водосточныхъ трубахъ парижской канализаціи.

Таможенныя досмотрщики.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ТАТУИРОВКА.

Воронъ на спинѣ.

Въ странѣ долларовъ, гдѣ слава и извѣстность пѣнятся гораздо выше таланта, погоня за всезнающей рекламой принимаетъ зачастую необычныя для насъ, чисто-американскія формы. Отсутствие таланта возмѣщается какимъ-нибудь эксцентричнымъ трюкомъ, и слава о выкинувшемъ его артистѣ прогмѣтъ на страницахъ жадной ко всякаго рода сенсаціямъ американской прессы по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней.

Объ артистѣ Новаго американскаго театра въ Нью-Йоркѣ, миссъ Франсисъ Уайтъ въ теченіе нѣкотораго времени много говорили въ американскихъ театральныхъ кругахъ. Весь секретъ ея мимолетной славы кроется... на ея спинѣ: глубокой вырѣзъ платья обнажаетъ искусно татуированнаго чернаго ворона.

Носильщицы.

Пожарныя.

— Я не могу отпустить тебя одного, — шепнула она, хватая мою руку, — и съ тобой не такъ страшно...

Дальше произошло то, чему трудно повѣрить человѣку, не пережившему этого. Мы прошли съ Летти довольно далеко по глухой дорожкѣ, какъ вдругъ навстрѣчу намъ изъ мрака вынырнула фигура женщины. Она была тоненькая и маленькая, а въ лицѣ ея не было ни кровинки. Сердце въ груди у меня остановилось, а Летти вскрикнула и прижалась ко мнѣ.

Никогда, до самой смерти не забуду я это лицо. — Худое и блѣдное, съ большими измученными глазами. Я хотѣлъ и не могъ говорить, точно внезапно онѣмѣвъ. И къ моему удивленію, заговорила Летти срывающимся голоскомъ:

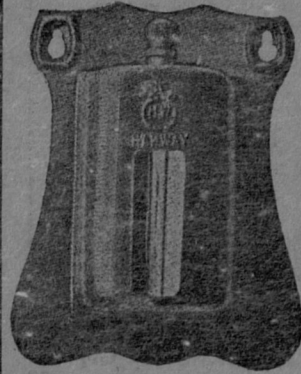
— Милая миссъ Дэйсонъ... это ничего, что мы испугались. Мы готовы помочь вамъ...

Женщина молча повернулась и пошла. Какая-то сила заставила насъ слѣдовать за ней. Я не помню, какъ долго шли

Полное собрание книг для быстрой самоподготовки на первый классный чин или **КЪ ЭКЗАМЕНУ НА ГОЛЫНОПРЕДЪЛЮЩАГОСЯ** чина 5-р. 95 к. Адр.: Москва, Б.-Гнездиновск. 10, изд-ву Д. М. Куманова. Кат. безпл.

ДОМАШНЕЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ САХАРА

изъ всюду имѣющихся материаловъ, въ обыкновенной домашней посудѣ. Цѣна руководства 3 руб. 25 коп. Москва, изд-ство „Лучь“, Печатниковъ пер. 18/3.

**ВЪЧНАЯ СПИЧКА
ВПЕРВЫЕ ВЪ РОССИИ.**

Англійская новинка — изящная **стѣнная** зажигалка. Незамѣнима въ городѣ и въ деревнѣ въ каждомъ домѣ: въ приемной, въ кабинетѣ, въ кухнѣ, въ кафѣ, въ ресторанѣ и т. п. Снимаетъ съ хозяйки и курильщика всякую заботу о спичкахъ, давая **ГРОМАДНУЮ ЭКОНОМІЮ**. Высылается почт. посылкой налож. платежемъ за 4 р. 25 к. Перепродать, выписывая, дождь скидка 20%

Единственная продажа во всю Россію. Адресъ: **Депю заграничныхъ и русскихъ новинокъ** — Петроградъ. Преображенская 27, кв. 14.

Спеціальное руководство для кратко-рочной подготовки на званіе **ВОЛЬНОПРЕДЪЛ. II р.** съ правомъ поступленія въ школу, драпорщикова и на 1-й классъ чина. Курсъ проходитъ безъ помощи учителя втеченіе 30 дней. Объ авонъ тѣснаго ценза не требуется. Цѣна 7 р., атласъ 1 р., переилетъ 60 к., пересылка 50 к. Заказы адресовать: Москва, Тверская 24/10. Товарищество „Акціонеръ“.

Я САМЪ ХОЗЯИНЪ

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: „**Я самъ — хозяинъ**“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедленно. Цѣна 3р. 50к. Москва, изд. „ЛУЧЬ“, Печатниковъ пер. 18/3.

САМОУЧИТЕЛЬ Кройки и шитья мужск. и дамск. ш. Треб. безпл. каталогъ **Н. Беррисъ**. Петроградъ, Пушкинская 11.

НОВАЯ КНИГА

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ

съ инструкціей Мин. Фин. и руководст. для плательщиковъ Ц. 2 р. 80 к. Москва, Никольская, 3, книжный магазинъ И. К. ГОЛУБЕВА.

КУРСЫ СТЕНОГРАФИИ вновь замѣняютъ наши антограф. лекціи по стенографіи. Лучшій курсъ въ Россіи, который легко усвоитъ каждому за мѣсяцъ. Высыл. етса немедленно. Ц. 4 р. 50 к. Безъ задатка не высылается. Каталогъ безплатно. Адр.: Москва, Б. Гнездиновскій 10, изд-ву Д. М. Куманова.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** крупн. зараб. Цѣна 1 р. Адр.: Москва, изд-ство „Лучь“, Печатниковъ пер. 18/3.

КАРАМЕЛЬ „СЕРПОЛЕТ“

отъ кашля и хрипоты, дѣйствуетъ антисептически и помогаетъ при легкомъ кашлѣ и простудѣ, въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ приноситъ большое облегченіе. Награжд. на выставкѣ въ Миданѣ высш. наград. и золот. медал.

ПРОДАЕТСЯ въ аптекахъ и аптекарск. магаз. Главн. складъ: Пет. оградъ, Б. Зеленина 9. розн. В. ЕД. Б. ЛІЙ. Къ свѣдѣнію гг. врачей. Составъ Серполета: ТНСОСЛ 1,9 Терпінhydrat 0,6, Extr. Thymi 10,0 Ol. Serylli 0,1 OL. MENTHAЕ 0,6, SACCHAR ALB. 30,0, дѣл. на 20 лепешекъ.

Чѣмъ замѣнить мясо? Руководство къ пригот. вкусн. сыт. и дешев. блюда безъ мяса. Цѣна 1 р. Москва, Изд-ство „Лучь“, Печатниковъ пер. 18/3.

ВОЛШЕБСТВО И МАГІЯ Самая полн. книга. Какъ можетъ легко научиться. Ц. 1 руб. Москва, Редакція журнала „СОКОЛЬ“, Печатниковъ пер. 18/3.

РУКОВОДСТВО для самостоятельной и краткосрочной подготовки къ экзамену на званіе **ВОЛЬНОПРЕДЪЛЮЩАГО** 2-го разр. Цѣна 6 руб., съ географ. атлас. 6 р. 80 к., въ перепл. 7 р. 50 к. Пересылка 50 коп. Заказы и деньги адресовать: Москва, Спиридоновка, 9—45. Издат. Товарищ. О. И. Дьяконова и Е. А. Новикова.

АЛЬБОМЪ ПАРИЖСКИХЪ КРАСАВИЦЪ серия 20 карточекъ высыл. съ наложеннымъ платеж. за 3 руб. съ пересылкой Москва, 3-я Тверская-Ямская, д. 30, кв. 60. Е. Д. УРУСОВЪ.

Попробуйте одну коробку настоящихъ **Pastilles VALDA** (ЛЕПЕШЕКЪ ВАЛЬДА) для предупрежденія простуды, насморка, кашля и всѣхъ болѣзней бронховъ или легкихъ. **НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТРЕБУЙТЕ, ПРОСИТЕ** во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ **НАСТОЯЩІЯ Pastilles Valda** (Лепешки Вальда) въ коробкахъ съ красной бандеролью снабженныхъ именемъ **VALDA** Цѣна 1 рубль (H. Canonne, Paris).

для **ЦВѢТА ЛИЦА** **ПРЕВОСХОДНЫЙ** освѣжающій кожу элгантный кремъ Дермозонъ д-ра Антона Мейера имѣетъ очаровательный ароматъ цвѣтущихъ розъ. Онъ является гордостью женщинъ, желающихъ сохранить свой молодой видъ. Дермозонъ продается во всѣхъ аптекахъ, въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣйствуетъ быстро, если предварительно обмыть кожу мыломъ. Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К^о. Остерегайтесь поддѣлокъ.

УГРИ, прыщи, жиров. выд. л. и желт. пятна уничтож. БЕЗСЛѢДНО въ 1—2 недѣли **МОИМЪ** безвредн. ДОШ. ПИМЪ средств. Большой флаконъ съ нагав. хватющ. на все время, въ 1 д. нежел. налог. плат. за 3 р. съ перес. и улож. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. рд. охъ моему плану вѣрить, онъ **ИСКРЕННО И ЧЕСТНО**. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул. № 11, кв. 98. Марія гор Чурбанова

ГДѢ И КАКЪ получить право, не отрыв. отъ своихъ занятій, на номиніе **НАГРУДН. ЗНАКЪ ЧИНОПРОИЗВ., ПУЧЕТН. ГРАЖД. и др. нагр?** „Справочникъ Благотворенія“, съ прилож. до 50-ти рис. **ОБРАЗЦОВЪ ЗНАКОВЪ**, выдав. разд. учрежд., высыл. нал. плат. на 5 р. Треб. адр.: Петроградъ, Литейный, 59—6. Скл. изд. „Справочн. Благотв.“.

БУДУЩЕЕ каждого человека мгновенно и безъшибочно раскрываютъ **магическія карты**. Полная колода съ наставленіемъ высыл. налож. плат. за 1 р. 50 к. Адресъ: Москва, Печатниковъ пер. 18/3, ред. журн. „Соколь“.

УНИВЕРС. СЧЕТЧИК множит и дѣлит цѣлыя и дроб., числа автоматич. с быстр. чтенія главо, вычисл. разв. и др., проценты, жалованіе, сложныя числовыя отношенія и т. п. **НАСТОЛЬНЫЙ** разм. с в. ашаго. лиферблат., 11 3/4 верш. в окруж. и властныя на пеллулоида на шарѣ.—2 р. 75 к. тоже в **КАРМАН.** разм. в прочн. удобн. пакѣтѣ—8 р. Перес. 25 к. Наставл. прилаг. бесплатно. **МОСКА,** изд-во изд-ва А. Н. КАНА, Варсопофьевскій п., 11.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„ЖЕНЩИНА И ХОЗЯЙКА“.**

Издается въ Москвѣ 2-й годъ.

Журналъ выходитъ каждое воскресенье (52 №№ въ годъ), чѣмъ отличается отъ всѣхъ прочихъ женскихъ журналовъ, выходящихъ лишь дважды въ мѣсяцъ (только 24 №№ въ годъ).

„Женщина и Хозяйка“ содержитъ все, что интересуетъ женщину и необходимо ей въ общественной и домашней жизни.

По своей обширной и разнообразной программѣ, интересному и полезному содержанию журналъ представляетъ необходимый настольный справочникъ на всѣ случаи жизни каждой женщины.

Въ теченіе 1917 года подписчицы получаютъ:

52 номера еженедельнаго иллюстрированнаго въ художественно-красочной обложкѣ журнала, содержащаго избранный матеріалъ для чтенія, статьи по всѣмъ вопросамъ женской жизни, повѣсти, рассказы, стихотворенія.

52 вырѣзныхъ выкройки, совершенно готовыхъ и точныхъ, въ натур. величину на среднюю фигуру, по которымъ легко можно самой шить съ малыми затратами модные туалеты, блузы, корсеты, шляпы и пр.

Заслуженные курсы кройки и шитья — под руководствомъ опытной специалистки-закройщицы.

300 косметическихъ рецептовъ въ отдѣлѣ „Красота и Здоровье“ и множество личныхъ совѣтовъ по уходу за красотой.

1000 рецептовъ, дашевыхъ и вкусныхъ блюдъ, заготовокъ, печений и т. п.

200 совѣтовъ по доводоству и домашнему изготовленію необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ.

1500 рисунковъ, рукодѣлій, шляпъ, блузокъ и принадлежностей дамскаго и дѣтскаго туалета.

„Дружескія бесѣды“ Синеи птицы дадутъ освѣщеніе женскимъ переживаниямъ и отвѣты на интимныя вопросы читательницъ.

„Открытыя письма“: Въ этомъ отдѣлѣ даются отвѣты специалистомъ по вопросамъ медицинскимъ, юридическимъ и проч.

Скучныя знанія. Статьи, очерки, замѣтки и отвѣты на вопросы читательницъ. Анализы характеровъ по дочеркамъ.

Подписная цѣна на „Женщину и Хозяиню“: на цѣлый годъ 10 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 3 мѣс. 3 руб.

На меньшіе сроки ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Допускается подписка на цѣлый годъ съ уплатой подписной цѣны въ три срока безъ ея увеличенія, а именно при подпискѣ 5 р., къ 1 апрѣля 3 р. и къ 1 июля 2 р. Деньги сабдуаетъ адресоватъ: **МОСКА**, въ контору журнала „ЖЕНЩИНА И ХОЗЯЙКА“, Б. Дмитровка, 28/3.

Отдѣльные №№ продаются повсемѣстно по 20 коп., съ выкройками по 27 коп. пробный № высылается по требованію бесплатно.

ПИСАТЬ

красиво и скоро будете, написать „Механическ. пропись“, П. 95 к. **МОСКА**, ред. журн. „Соль“, 1. еч. тиньовъ п. 18/3.

ЖИВИ БЕЗЪ СЛУЖБЫ

СЕСИМЪ — священный. ДѢЛОМЪ съ доходомъ 2—6,000 р. въ годъ! Треб. безп. подробн.: „Бѣга и Жизнь и Гауа“, П. СКЛА, Переславская, 3-12.

ИНТЕРЕСНЫЯ КНИГИ.

- 1) Хорошій тонъ (искусство быть занимательнымъ въ обществѣ и имѣть большой успѣхъ). П. 2 р. 25 к.
- 2) Красота женщины (дивное изданіе на мѣловой бумагѣ, свыше 200 портретовъ красавицъ всѣхъ ст. анж, интересный текстъ). П. 6 р. 75 к.
- 3) Курсъ гипнотизма П. 2 р. 4)
- 4) Курсъ оккульты м. Знамен. д-ра Ангеса. П. 3 р. 95 к.
- 5) Курсъ хиромантіи. Самое полное изданіе. П. 3 р.
- 6) Курсъ спиритизма П. 2 р. 50 к.
- 7) Полнѣйш. толк. ватель словъ. П. 1 р. 50 к.
- 8) Новѣ. шій фокусникъ П. 1 р. 50 к.
- 9) Полный курсъ шахм. тной и шашечн. игры П. 4 р. 50 к.
- 10) Тайны карточн. игры (масса разоблаченій). П. 5 руб. Безъ уплат. не выс. Каталоги безъ платно. Треб. адрес: **МОСКА**, Тверская, редація „Новый Журналь“.

БОЛЬНЫЕ
фирмы КАСОМЪ
ИМѢЮТЪ
ТЕПЕРЬ ВОЗМОЖНОСТЬ
ПРИМѢНЯТЬ ФРАНЦУЗСКІЙ
ПРЕПАРАТЪ
„КАЛЮДОНЪ Д-РА ДЕ-ВЕЗА“

ПРЕПАРАТЪ Д-РА ДЕ-ВЕЗА прекращаетъ головныя боли, боли въ ногахъ и спинѣ.
ПРЕПАРАТЪ Д-РА ДЕ-ВЕЗА устраняетъ безсонницу и ослабленіе памяти, зрѣнія, слуха.

Цѣна коробки Препарата Д-ра Де-Вега — 6 р.
Прод. изд. ант. по рек. гр.
Литература высылается бесплатно.

LA LABORATOIRE DE MEDICINE PRATIQUE

Исключительная продажа въ Москвѣ, въ отдѣленіи „Лабораторія Практической Медицины“ въ Шаржѣ, Ситенскія ворота, д. 2, Отд. 1122.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ. — Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, который имъ пользовались. — Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ ==

Пишите немедленно и присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилию и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЪТОКЪ,
Москва, Фуркасовскій пер. д. 21 КВ.

Волосы!

**Практическое руководство (ЭНЦИКЛОПЕДІЯ)
ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.**

Необходимо какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ.

Искусство быть занимательнымъ въ обществѣ, пользоваться успѣхомъ въ жизни. Интересный собесѣдникъ. Хорошій тонъ. Секреты красоты. Образцы различныхъ писемъ. Рѣчи, тосты и проч. на разные случаи. Краткое содержаніе: Обращеніе кавалера съ дамой. Обращеніе дамы съ кавалеромъ. Игры и забавы въ обществѣ. Розыгрыши и выкупы фантовъ. Искусство говорить рѣчи и тосты. Сборникъ интересныхъ стихотвореній. Афоризмы о женщинахъ. Афоризмы о мужчинахъ. Любовныя примѣты. Секреты красоты. Совѣты и указанія желающимъ пользоваться успѣхомъ. 1) Совѣтъ женщинамъ. 2) Совѣтъ мужчинамъ. Приятныя совѣты по всѣмъ случаямъ жизни. Несколько словъ о бракѣ. Образцы различныхъ писемъ. Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. 50 коп. Требуемъ адресовъ: Москва, Тверская, 18/С, Т-во „АКЦИОНЕРЪ“.

ЯКОРНЫЙ ПЕНЬ-ЭКСПЕЛЛЕРЪ

отъ ревматизма и простуды выпускаетъ исключительнѣе

Торг. Домъ Р. И. ВЕЙСЪ и К^о.
прежде Ф. Ад. Рихтеръ и Ко.
Петроградъ, Николаевская ул., 14.

Лабораторія, выпускающая ПЕНЬ-ЭКСПЕЛЛЕРЪ съ отличительною надписью **ЯКОРНЫ А**, приклеяются къ судебной ответственности.

ИЗУЧАЙТЕ ЯЗЫКИ

это полезно и даетъ вѣрный кусокъ хлѣба; доступно всѣмъ и каждому; усвоить легко. Предлагаемъ самоучители: англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, польскаго, латынскаго, татарскаго, персидскаго, литванскаго, итальянскаго, финскаго, шведскаго, норвежскаго, сербскаго, черногорскаго, японскаго и др. яз. по 1 р. 45 к., съ перес. 1 р. 75 к. при выпискѣ болѣе 2-хъ самоуч. пересылка за нашъ счетъ. Каталоги изд-ства бесплатно. Треб. адресовъ: Москва, Е. Гнѣздиновскій, 10, издательству Д. М. Куманова, Безъ вад. не влс.

**РУССКОЕ
ЧЕРНИЛЬНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО**

В. А. ТРАПЕЗНИКОВА.
Существов. съ 1866 г. Петроградъ.
Лиговская ул., 38. Телефонъ 20-73.
Рекомендуютъ разн. сорта чернилъ высш. качества. Имѣются во многихъ писчебумажныхъ магазинахъ. Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Рациональный уходъ за красотой лица, шеи, рукъ достигается систематическимъ применением продукцій лечебно-косметическаго кабинета

Г-ЖИ П. Н. КАЧЪ.
Москва, Петровка 15, кв. 51. Отд. 2.

ЛЕЧЕНІЕ И ГИГИЕНА КОЖИ
Тел. 1-59-22.

Требуется бесплатный каталогъ